

Игорь Азерин

WWW

III

ОПЕРАЦИЯ
«ЭПСИЛОН»

Игорь Азерин

WW III. Операция «Эпсилон»

«Издательские решения»

Азерин И.

WW III. Операция «Эпсилон» / И. Азерин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930624-1

Первые сутки глобального ядерного конфликта глазами четырёх человек: командира многоцелевой подводной лодки в Тихом океане, инженера-компьютерщика в секретном подмосковном бункере, иркутского фотографа на берегу Байкала и бывшего разведчика, который пробирается в подвергшийся удару Новосибирск. Сотни сводок со всего мира, истории гибели и выживания... Стенограмма начала третьей мировой войны.

ISBN 978-5-44-930624-1

© Азерин И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	61

WW III

Операция «Эпсилон»

Игорь Азерин

От автора особая благодарность редактору Галине Ивановой, за её помощь в работе над главой «На берегу Байкала». Это был прекрасный опыт сотрудничества и стремления к совершенству.

«Если мы не устроим апокалипсис нашим врагам, враги устроят апокалипсис Соединённым Штатам».

Из выступления генерала Мэттиса на заседании Совета национальной безопасности США

Редактор Галина Иванова

Редактор Любовь Першакова

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Игорь Азерин, 2018

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-0624-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Подводная третья мировая

Подводникам посвящается.

Тихий океан. Многоцелевая атомная подводная лодка «Кот». Поясное время 11:29.

Капитан первого ранга Лосев Александр Иванович получает от вахтенного офицера сообщение: «Товарищ командир, прошу вас немедленно прибыть на ГКП¹. У связистов сведения крайней важности! Крайней важности!» Слова «крайней важности», дважды повторённые вахтенным, и подчёркивающая интонация насторожили Лосева: значит, случилось что-то уж совсем из ряда вон.

– Сейчас буду, – и прежде, чем дать отбой связи, командир спросил: – Где старший помощник?

– В четвёртом отсеке, контролирует проведение занятий.

Тревожное сообщение застало Лосева в каюте. Он просматривал документацию по заданию: карты, курсовая прокладка, перечень задач, рекомендации по выполнению. Конечная точка маршрута находилась в той части Тихого океана, которую российские, а прежде и советские подлодки посещали редко. Было известно, что недавно там отработало судно научного типа, принадлежащее хотя и гражданскому ведомству, но обычно выполнявшее подряды для Министерства обороны. Работа исследователей была прервана, и они вынуждены были покинуть интересующий водный квадрат из-за того, что несколько американских кораблей стали наводить радио-, гидроакустические и магнитоэлектрические помехи, да и просто теснить российское судно. В настоящий момент оно медленно двигалось в восточном направлении примерно в районе пересечения северного тропика со сто сороковым меридианом.

Через две минуты Лосев был в командном пункте.

– Докладывайте, – сказал он помощнику командира капитан-лейтенанту Пешкову, выполнявшему обязанности вахтенного офицера.

– На сверхдлинных волнах получено условное сообщение «Внимание всем! Боевая тревога». Сигнал поступил прежде интервального времени. Интервал между передачами изменился. Связисты продолжают получать сигнал, ожидают подтверждения и следующей команды.

– Во сколько пришло сообщение?

– В два двадцать восемь.

Командир взглянул на хронометр. Несколько секунд раздумывал – потом объявил:

– Боевая тревога!

Он опустился в кресло, обычно занимаемое старшим офицером в Центральном, и стал наблюдать за действиями подчинённых. Зазвучал сигнал тревоги, в отсеках началось движение, раздавались команды, репетовки и доклады:

– Сверить часы...

– Оружие, технические средства вскрыть...

– Торпедный дивизион к бою готов...

¹ ГКП – главный командный пункт на подводных лодках и некоторых надводных кораблях, также может называться Центральным. Из ГКП ведётся управление кораблём и координация действий экипажа, здесь несёт вахту командир или замещающий его офицер.

Боевые посты один за другим докладывали о готовности, а Лосев вызвал к себе командира БЧ-4² Артёма Шабалина.

Сигнал на сверхдлинных волнах – особый вид связи. Он представляет собой повторяющиеся через равные промежутки импульсы, которые генерирует специальная станция. Её антенна погружена глубоко в землю и волны передаются непосредственно почвой, поэтому могут быть приняты в любой точке земного шара вне зависимости от глубины. По своей структуре это всплеск радиоизлучения, в нём нет никакого кода: важно наличие сигнала и интервал между импульсами. Когда интервал обычный, это означает, что государство находится в состоянии мира или, по крайней мере, опасность ракетно-ядерного удара отсутствует. Если интервал изменяется или сигнал вовсе перестаёт приниматься, то на подводном судне объявляется боевая тревога. Сверхдлинноволновый сигнал теоретически может быть пропущен по техническим причинам, поэтому, не приняв вовремя передачу, на подлодке проверяют состояние радиоприёмных устройств. Если аппаратура исправна, но сигнала нет, то подлодка переходит к действиям по специальному боевому плану, в перечень пунктов которого входят попытки связи со спутниками, самолётами дальней связи и надводными кораблями – чтобы удостовериться в реальности военного столкновения.

Сейчас очередной сигнал-импульс был получен раньше срока, а последующие – шли с укороченным интервалом. Это означало: происходят события угрожающие государству. Кроме того, теперь сигнал может нести закодированные данные (совсем краткие, но поясняющие ситуацию).

– Какие подробности, Шабалин? – обратился Лосев к командиру БЧ-4, когда тот прибыл. – Докладывайте.

– Есть сигнал и расшифровка. Вот, – Шабалин протянул листок с коротким текстом.

Лосев прочитал: «Боевая тревога. Действовать согласно плану „Ответный удар“».

– Что ещё? – спросил командир, складывая лист вдвое.

– Постоянный сигнал на сверхдлинных идёт с интервалом военного времени. С двух шестнадцати наблюдаются сильные помехи по всему принимаемому радиодиапазону, но мы фильтруем, справляемся.

– Хорошо.

– Американская передача на СДВ с двух двадцати восьми тоже идёт с изменением интервала и сдвигом частоты. Изменили после нас через несколько секунд. Пока всё.

– Понял. Свободен, Артём Максимович.

– Есть, – Шабалин поспешил на свой пост.

На ГКП уже прибыли старпом Зименко и штурман Лобанов. Но Лосев обратился к младшему штурману, несшему вахту перед объявлением тревоги:

– Пампиди, какой запас времени на ход по счислению?

– Товарищ командир, предельно допустимое время плавания по счислению шестьдесят три часа, – отвечал младший штурман Георгий Пампиди.

– Принято, – командир внёс пометку в блокнот.

– Ну что, Зименко... – Лосев протянул старпому листок бумаги, полученный от связистов, – похоже, началось.

Зименко прочитал сообщение. Потом перевёл взгляд на своего командира, поправил ремень ПДА³ и произнёс сдавленно:

– Надо выходить на связь, для прояснения ситуации.

² БЧ – боевая часть, основное организационное подразделение экипажей кораблей Военно-морского флота РФ. Номер обозначает специализацию: 1 – штурманская, 2 – ракетно-артиллерийская, 3 – минно-торпедная, 4 – связи, 5 – электромеханическая, 6 – авиационная, 7 – радиотехническая.

³ ПДА – персональный дыхательный аппарат.

– Обязательно. Американцы тоже своим сигналают, между прочим, – ответил ему Лосев и спросил у капитан-лейтенанта Пешкова: – Какие данные по курсу и положению лодки?

– Курс сто семьдесят пять градусов, глубина четыреста семьдесят метров, скорость семь узлов, дифферент ноль.

Командир объявил:

– По местам стоять к всплытию. Всплывать на глубину тридцать метров с дифферентом на корму пять градусов. Доклад каждые десять метров глубины.

Он остановил старпома, который собирался покинуть ГКП, выполняя обязанности согласно расписанию по тревоге:

– Олегыч, задержись. Будем вскрывать пакет.

После этого Лосев подозвал командира БЧ-3 капитана третьего ранга Василия Шакшина. Подошёл и особист Игонин. Командир обратился к ним:

– Товарищи офицеры, пришло время вскрыть секретный пакет. Зименко, ты в курсе. Довожу до вашего сведения, чтобы соблюсти формальности. На сверхдлинных мы получаем сигнал с интервалом военного времени. Есть сообщение: приказано действовать по плану «Ответный удар».

Он показал лист с кодовым сообщением – Шакшин кивнул. Лосев шагнул к корабельному сейфу; старпом, у которого был второй ключ, шагнул с ним. На полке для запечатанных секретных пакетов лежали три больших конверта с кодовыми названиями. Командир взял в руки один – из серо-жёлтой бумаги и с красной надписью «Ответный удар», штампом «Совершенно секретно» и инструкцией: «Вскрыть после получения всеобщей команды „Ответный удар“ командиром корабля в присутствии двух уполномоченных лиц».

В конверте был лист с приказом, карта и флешка с дополнительными данными для боевой информационно-управляющей системы корабля. Все четверо склонились над документами. Из них следовало, что экипаж должен действовать в зависимости от того, в каком из трёх обозначенных на карте квадратов находится подлодка. Если в квадрате №1, на самом дальнем отрезке маршрута, то следует идти к тихоокеанскому берегу Северной Америки, примерно на широтах Калифорнии, – и в наибольшей близости к материку произвести пуск ракет, предназначенных для уничтожения неподвижных объектов на суше и в прибрежной зоне; остальные боеприпасы использовать по обстоятельствам. Полётные программы имелись на электронном носителе, но их нужно было уточнить, выйдя на связь со спутником.

При нахождении подлодки в квадрате №2 – идти в направлении базы временной приписки, действовать самостоятельно, уничтожать надводные и подводные корабли врага; флешка содержала список враждебных государств и принадлежащих им наиболее крупных или значимых судов.

В квадрате №3, находившемся ближе всего к базе приписки, – попытаться координировать свои действия со штабом Тихоокеанского флота и самостоятельно наносить удары по обнаруженным кораблям противника.

Во всех случаях необходимо было выйти на связь со спутниками связи «КА-14», «КА-17» или другими, перечень которых, с координатами и оптимальным временем связи, ещё на базе был занесён в каталоги БИУСа⁴. Прилагался к плану также список государств, корабли и прочие объекты коих нельзя было уничтожать, кроме случаев их прямого нападения. В основном это были государства восточной Азии: Китай, Южная Корея, Северная Корея, Япония, Филиппины, Вьетнам, Индонезия.

– Лобанов, подойди, – обратился Лосев к командиру БЧ-1.

– Мы находимся тут, – сказал Александр Иванович, ткнув пальцем в квадрат №2. – Примерно на сороковом градусе северной широты. Так, Вадим Григорьевич?

⁴ БИУС – боевая информационная управляющая система корабля.

Штурман пару секунд присматривался к карте, затем протянул к ней руку с карандашом.

– Так точно. Идём в ста сорока милях северо-западнее подводной горы Нинтоку. Сорок два градуса северной широты, сто семьдесят три градуса восточной долготы. От поверхности воды до вершины этого гайота⁵ примерно тысяча сто метров. Направление вдоль Императорского хребта на зюйд⁶. Под нами шесть тысяч триста метров. До временной базы приписки девятьсот миль.

– Вот, – командир выставил указательный палец. – Вблизи группировка седьмого флота США, которую мы без шума должны обойти, а на грунт здесь, как вы понимаете, не ляжешь если что. И поднять нас смогут только лет через двести, какие-нибудь мутанты без тельников.

– Теперь понятно, почему они так выстроились, – Шакшин со значением оглядел остальных, – на перехват всего, что летит и плывёт к берегам Америки.

– Значит так, штурман, – командир положил руку на плечо Лобанову, – составь подробную карту со всеми кораблями противника, которые мы засекли: дальность до каждой цели, направление движения и скорость, возможное место пребывания с учётом времени. На основе твоих расчётов выберем цели. Сейчас ещё подключим акустику и радиопеленг (Синицыну и Шабалину я отдам распоряжение). Потом отдельно дай сведения по «Пёрл-Харбору»: данные по обороне, донные антенны, минные заграждения, фарватеры, кабели, командные объекты, пункты жизнеобеспечения и прочее. Задача ясна?

– Так точно.

– Приступай, Вадим. Шакшин, дай команду своим в отсеках, чтобы ещё раз проверили всё, и готовьтесь к боевым пускам. Выполняй, Макарыч. Ну и мы с тобой, Зименко, тоже будем готовиться. Ты задержишься: покумекаем.

Как офицер и командир Лосев состоялся на Северном флоте: начинал там ещё с курсантской практики. Дважды побывал в атлантических экспедициях, у берегов Северной Африки. В Тихий океан Александр Иванович вышел второй раз: прежде он командировался сюда в должности помощника штурмана и прослужил здесь более шести месяцев. Полтора года назад его назначили командиром «Кота»: лодка тогда возвращалась в боевой строй после глубокой модернизации. Тихий океан был для Лосева немного непривычен своими глубинами, разнообразием течений и ветров, температурой, шумами, структурой водной толщи. Но задание есть задание.

Базой приписки «Кота» было Гаджиево, но к этому походу экипаж готовился у одного из пирсов посёлка Рыбачий на Камчатке. В течение восьми недель шли ежедневные тренировки. После трёхлетнего капитального ремонта корабль внутри мало чем напоминал себя прежнего: фактически, осталось без изменения лишь железо, а прочее наполнение корпуса было новым. Поменялось расположение нескольких боевых постов, электронная начинка корабля стала занимать меньше места, многократно уменьшилась её теплоотдача при работе, что в свою очередь повлекло компактизацию систем вентиляции и охлаждения и, в некоторой степени, уменьшение шумности. Теперь на ГКП был пост акустика – с основным рабочим монитором и дополнительным, на который, например, для командира или штурмана, могла выводиться информация с приборов гидроакустической или вычислительной группы, занимавших прежде место в отсеке. Также в Центральный был возвращён пост командира БЧ-3, который на лодках этой серии изначально находился тут, но на «Коте» до модернизации располагался на другой палубе. Изменилось и место навигационного поста штурманской части.

⁵ Гайот – подводная гора с плоской вершиной.

⁶ Зюйд – юг.

Штурман Вадим Лобанов был зачислен в экипаж на Камчатке. Это было единственное изменения офицерского штата корабля, если не считать прикомандированных для специального задания двух инженеров. Вадима, кстати, Лосев знал ещё со времени учёбы в «мореходке». Служба Лобанова проходила исключительно на Тихоокеанском флоте. Большая часть маршрута ему была знакома: он не раз ходил в тропические широты, хотя и не далее Гавайского архипелага. В таких походах чаще прочих ставилась задача сопровождения стратегических ракетноносцев.

Согласно курсовой прокладке подводный крейсер должен был пройти вдоль Гавайской гряды на удалении в тысяча двести миль от неё, пересечь Северный тропик, и от островов Ревилья-Хихедо идти против холодного течения к широтам выше тропической параллели. Там, начиная примерно со сто тридцатого градуса западной долготы и до сто сорокового градуса, американцы разместили линию плавучих платформ, предположительно в целях противоракетной обороны. Сначала они развили деятельность под видом геолого-изыскательских работ, а около четырёх месяцев назад ограничили проход судов в этом районе.

Изначально линия состояла из двенадцати платформ, которые были установлены очень быстро, а монтаж оборудования на них вёлся круглосуточно; затем в трёхстах милях к западу американцы стали располагать вторую линию ещё из двенадцати плавучих объектов, смещённых так, что обе линии теперь составили шахматный порядок. Официально эта система плавучих объектов значилась как элемент стратегической обороны: более конкретно – стартовые площадки противоракет. Но даже американские аналитики говорили, что на платформах размещено электромагнитное или лазерное оружие. На запросы российского МИДа госдеп отвечал дежурными фразами, мол, хотя работы носят военно-научный и секретный характер, они не несут опасности для других государств, имеют строго оборонительное качество и не нарушают никаких договоров. Однако внезапность, с какой в океане появились военные объекты, не могла не обеспокоить руководство России. Кроме того, в районе Аляски и на канадской территории немного ранее были созданы системы объектов очень напоминающие те, что расположены на платформах, и со схожими характеристиками в излучаемом радиодиапазоне.

Подавляющая часть Третьего оперативного флота США и примкнувшая к нему группировка Седьмого флота на данный момент выстроились от точки пересечения сороковой параллели со ста восьмидесятым меридианом и почти до материковой части Аляски, то есть примерно до пересечения пятидесятой параллели со сто шестьдесят пятым меридианом. Флот стоял тактическими группами, причём основные силы ближе к Аляске: шесть авианосцев с кораблями сопровождения, на расстоянии двести пятьдесят – триста миль между ордерами. Учения были запланированы давно, но за несколько месяцев до назначенной даты манёврам придали большой размах и иной сценарий. По официальной версии, это было связано с извержением вулкана. Извержение вулкана и в самом деле недавно произошло: на острове Чуги-надак архипелага Аляска – и его начало сопровождалось сильным землетрясением с образованием высоких океанских волн, причинивших некоторые разрушения от Берингова пролива с одной стороны архипелага до тихоокеанского побережья Канады и тропических островов по другую сторону.

На тему учений и вулкана ходила шутка. Дело в том, что в момент начала извержения у подножия располагался англо-американский лагерь учёных, проводивших полевые исследования, и которых спешно пришлось эвакуировать (были даже пострадавшие). Спустя несколько дней стало известно, что американцы изменили сценарий манёвров, задействовав флоты европейских государств, в том числе Великобритании – правда, недалеко от акваторий этих государств. Ну а согласно сценарию учений, военно-морской флот должен участвовать в спасательной операции, которая разворачивалась после условного удара земной стихии: сильного извержения вулкана, землетрясения, цунами. Шутка же была такова: США решили показать свою силу вулкану, который посмел угрожать английским учёным.

И вот командир Лосев и его экипаж оказались в тех водах, где проводись чужие манёвры и всегда хозяйничал потенциальный противник. Для соблюдения максимальной скрытности лодка шла на малом ходу и большой глубине. При выходе на задание подводники получили подробные данные о нахождении флотов, отдельных кораблей и крупных гражданских судов в тихоокеанской акватории.

На момент выхода «Кота» из родной гавани корабли американской базы в японском Сасебо находились на рейде одного из портов Окинавы. До них было далеко, хотя и в пределах досягаемости ракетным оружием. Группа кораблей этой базы предназначена для десантных операций и не несёт прямой угрозы подводным лодкам. Другое дело, что ударная группировка этой флотилии во главе с десантным кораблём «Бенхом Ричард», в которую входили также десантный корабль-док «Эшланд», минные тральщики «Шеф», «Патриот» и другие, внезапно прервали плановое осеннее патрулирование и пошли к Окинаве, где расквартированы несколько бригад корпуса морской пехоты.

Восточнее Императорского хребта выстроились ударные авианосные группы. Интересно выстроились. Со стороны могло показаться (и сценарий манёвров это предписывал), что несколько таких групп должны из низких широт двигаться в более высокие, к берегам Аляски. Образовался своеобразный караван, а на деле – крупное оперативное объединение флота.

Из Йокосуки вышла группа, возглавляемая командным кораблём «Блю Ридж»: судно полувекового возраста, пару раз швартовавшееся в порту Владивостока. Кулак флотилии – флагманский авианосец «Рональд Рейган», ракетные крейсеры «Ченслорвилль» и «Шило», ракетные эсминцы «Фицджеральд», «Мастин», «Барри», ну и ударные единицы размером поменьше. Боеготовность обеспечивали полдюжины транспортов материального обеспечения. В составе формирования имелись как минимум две подводные лодки. В Йокосуке осталась небольшая флотилия во главе с крейсером «Антитам»: она вышла из порта, но держалась в прибрежной зоне.

Примечательно, что в это же время был введён в строй из резерва и поставлен на рейд Йокосуки старый авианосец «Кити Хок», всего лишь с несколькими самолётами на борту. А предположительно в Сасебо двигался ещё один срочно реанимированный неатомный авианосец «Джон Кеннеди». Вряд ли эти старые посудины (в нынешнем виде и с дефицитом авиации) могли реально изменить баланс сил между Штатами и Россией, или между Штатами и Китаем, но, как теперь выясняется, могли оттянуть некоторые силы противника на себя.

Авианосные ударные группы наверняка дополнялись подводными лодками вышедшими из гавайской базы США «Пёрл-Харбор», но на этот счёт надёжных разведанных не было. Не было подробных сведений и о кораблях крупнейшей базы в Сан-Диего. Было только известно: головной авианосец «Рузвельт» шёл в северные широты в сопровождении нескольких крейсеров и эсминцев, но основная флотилия, состоящая из кораблей прибрежной зоны, вертолётоносцев, десантных судов, тральщиков и прочих плавучих единиц находилась невдалеке от порта приписки. Там же на плановом ремонте стоял авианосец «Вильсон». Чтобы дополнить данные о силах противника в районах Сан-Диего и Пёрл-Харбор, наша лодка должна была подвсплыть и получить зашифрованное сообщение со спутника.

Тихоокеанская группировка была усилена армадами из Атлантики. Три авианосца пришли оттуда: «Буш», «Труман» и новейший «Форд» – первый корабль типовой серии. Не доставало сведений о подводных лодках. Точно было известно лишь о присутствии в ударных авианосных группах шести субмарин – большую часть времени они шли в надводном положении. На некотором отдалении от основных сил, ближе к берегам Японии и Камчатки, несли дежурство три корабля гидроакустической разведки с буксируемыми антеннами, в связке с самолётами дальнего морского обнаружения «Орион Р-3С» и «Посейдон Р-8А». Положение разведывательных судов было известно довольно точно.

Эти разведывательные корабли представляли для подводной лодки большую опасность: длинные буксируемые антенны высвечивали толщу воды до самого дна, показывая мельчайшие подробности. Их можно было обойти лишь на большом отдалении. Скорость судов гидроакустической разведки во время патрулирования поддерживается в пределах трёх—пяти узлов, а дальность обнаружения массивных подводных объектов – несколько сотен километров. Имея координаты разведчиков, можно было держаться от них на сравнительно безопасном расстоянии, а ориентируя корабль относительно их антенн, удавалось снижать площадь отражения поисковых импульсов и оставаться незамеченными.

Ещё опаснее были подводные лодки противника, так как они могли, не проявляя себя, подойти очень близко. Командиру Лосеву и его подчинённым оставалось лишь надеяться, что «Кот» до сих пор не обнаружен. Правда, на корабле был размещён новейший прибор, намного повышающий возможность экипажа обнаруживать другие лодки. Официально – векторно-фазовый гидрофон, в обиходе – фазофон. Вот только аналогичные по принципу действия гидрофоны ещё раньше были установлены на собственные корабли американцами – пока не на все, но уже на многие, и очень вероятно – более совершенные. Когда-то идея фазофонов появилась в России, но была задвинута на многие годы определёнными людьми, а американцы стали её развивать, и в результате вырвались вперёд.

Если верить данным гидроакустиков и радиопеленгаторов, подводная лодка пока не была обнаружена противником, но Лосев иллюзий не питал. Зачастую экипажи подводных лодок узнают о том, что их обнаружили, только по действиям противника – когда тот начинает атаку подлодки. А если противник не предпринимает никаких действий, выжидает, ведёт игру, то узнать достоверно о своём обнаружении весьма сложно. Конечно, есть приборы, имеется возможность засечь чужие сонары и шумы, но если субмарина противника оснащена передовым комплексом поиска подводных лодок, то экипаж может вовсе не замечать такого противника долгое время – тот просто будет недоступен для обнаружения слабыми и устаревшими приборами.

После выхода из порта лодка командира Лосева легла на курс в южном направлении, и, слившись в шумовом диапазоне с крупнотоннажным контейнеровозом, прошла по краю зоны звуковой освещённости одного из кораблей гидроакустической разведки. Теперь особенно следовало опасаться подводных лодок противника, гидроакустических буёв и автономных аппаратов американских систем обнаружения подводных целей.

Со спутниковой связью ситуация складывалась такая. Подводная лодка на своём пути могла получить информацию без запроса с трёх спутников. Они периодически излучают пакет данных для определённых кораблей по команде оператора, или в автоматическом порядке в случае всеобщей тревоги. Лодке, находящейся в заданном районе, нужно было лишь подняться ближе к поверхности воды, чтобы принять сигнал. Два спутника, «КА-14» и «КА-17», имели период обращения примерно сто минут, и могли только транслировать данные, полученные некоторое время назад от военного оператора связи. Третий спутник принадлежал к новейшей секретной системе орбитального наблюдения и имел обозначение «СОН-2».

Этот аппарат мог не только передавать сведения, полученные от военных операторов, но и нёс на борту средства наблюдения и обработки данных. На нём была установлена одна широкоугольная и две узконаправленных камеры высокого разрешения (в обычном и в инфракрасном диапазоне). Оптическая аппаратура работала в связке с радиопеленгаторными приборами, что серьёзно увеличивало возможности системы опознания объектов. Бортовой вычислительный комплекс этого спутника самостоятельно идентифицировал и отслеживал надводные цели. К примеру, он мог распознавать типы судов, и даже конкретные корабли, просчитывать их пути, группировать цели в зависимости от направления их движения, скорости и взаимного расположения. По сути, он в режиме реального времени мог передать на лодку

координаты авианосцев, авианесущих ударных группировок, отдельных кораблей – будь то тральщик гидроакустической разведки или эсминец.

Можно было получить данные и с других спутников: для этого надо было направить им запрос в виде сеанса радиосвязи. Однако передача сигнала почти гарантированно привела бы к раскрытию местоположения лодки. Данные, передаваемые за один автоматический сеанс связи, обычно не превышают нескольких сотен килобайтов, то есть передача длится меньше секунды. Часть этого объёма – хаотический набор шифровального мусора, в котором прячутся ценные сведения. Иногда передача могла быть длиннее и содержать мегабайты и даже десятки мегабайтов информации. Обычно это означает, что в сеансе присутствуют изображения: например, картографические снимки.

– Что бы ты предложил, Олегыч? – обратился Лосев к старшему помощнику.

– Надо попробовать получить со спутников передачу в автоматическом режиме, – немного подумав, сказал Зименко. – Если не будет ничего для нас, то дожидаться следующего окна связи и дать запрос по координатам ближайших надводных и подводных целей, потом получить целеуказание для ракет или подтверждение для текущих полётных программ. У нас будет время для того, чтобы оценить ситуацию, может быть, подготовиться лучше. Если удалимся на запад, то больше шансов укрыться от преследования после сигнала на спутники. Можно оставить радиобуй с запросом прямо сейчас... но так мы себя раскроем – слишком близко от противника.

– Да, – не сразу ответил ему командир, покручивая пальцами авторучку – и плохо, что близко, и хорошо, что близко. Для внезапного удара хорошо, а для скрытности... Мы вот как поступим, Олегыч. Первым в зоне доступа у нас будет спутник «КА-17». Если с ним не получится, то дождёмся следующего, «четырнадцатого». Если в обоих случаях мы не примем вводных, то будем атаковать ближайшую группировку. Основная цель – авианосец. По завершении ракетно-торпедной атаки возьмём курс на «Пёрл-Харбор». Атакуем базу. Основные цели – командный пункт, узел связи. По ним мы ударим специальными боеприпасами. Вот так.

Зименко обвёл взглядом центральный пост: вроде бы все заняты делом, но вряд ли этот разговор остаётся без внимания.

– Задачу понял, – произнёс он, и после секундной паузы продолжил. – Только к базе нам не дадут приблизиться. Раз уж вы спрашиваете моё мнение, то, если передачи со спутников не поступят, может, имеет смысл ударить всеми ракетами по ближайшим группировкам? Потом идти в сторону дома.

– Надеюсь, противник будет рассуждать так же.

– Они всё равно возьмут наш след.

– Не факт. Атакуем – и сразу же уйдём на глубину курсом уклонения. Они посчитают, что мы уходим к своему берегу, а мы пойдём к Гавайям. Там солнце, пальмы, фигуристые мулатки и крупнейшая база подводных лодок. Чем не цель? Может быть, кроме нас ближе к этой базе никого нет. Я почти уверен. Такую возможность щемануть врага нельзя упускать. А о своей сохранности будем беспокоиться во вторую очередь.

– Товарищ командир, может, вам показалось, что я боюсь за свою шкуру, но это не так. Просто считаю, что к Гавайям нам не подойти. Они услышат нас на дальних подступах донными антеннами. Если мы даже успеем отстреляться издалека ракетами, то они не долетят. У нас есть шанс нанести большой урон противнику. Здесь у него нет такой готовности к обороне.

Лосев смотрел молча на своего помощника, и тот продолжил:

– Мы можем попробовать пройти дальше на норд-ост, вклиниться в линию противника, встав сразу между двумя авианосными группировками, и ударить сразу по обеим. По одной ракете со спецбоеприпасом на каждую группу. Расстояние между ними двести пятьдесят – триста миль. Это чуть больше, чем сейчас от нас до ближайшей.

Лосев поднялся с кресла, подошёл к пульта «Молибдена⁷» и оглянулся оттуда на Зименко. Положил руку на кресло оператора поста, постоял немного. Потом не спеша, с задумчивым видом, возвратился на своё привычное место.

– Олегыч, я и не думал, что ты за жизнь испугался. Все хотят сохраниться – и ты, и я. И за людей мы оба должны думать. Дело не в этом, не в шкуре. Просто я уверен, что так нас скорее накроют, если мы вообще успеем огрызнуться. Вклиниваться в их строй очень уж рискованно. Мы вынуждены будем слишком долго находиться в поле зрения противолодочных средств сразу двух группировок. А так – мы ударим с фронты, сделаем манёвр, показывая, что идём к своему берегу, а сами возьмём курс на вражескую базу. Они, скорее всего, не знают, что у нас на борту есть спецбоеприпасы. Понимаешь?

– Да.

– И ещё. Мы не знаем достоверно, обнаружили нас или нет. Может, обнаружили, но пока нет средств, чтобы нас достать, и нет достаточного сближения. Допустим, нас обнаружила не подлодка... та давно атаковала бы. Если война и в самом деле началась, американцы нас должны топить сразу после обнаружения. Они уже идут с готовностью торпедных аппаратов к «пли». «Свой-чужой»... и «пли»! А, допустим, нас обнаруживает подводный робот, или корабль гидроакустической разведки, или глубинный автономный буй. Робот или буй после нашего прохода мимо всплывают, подают сигнал, корабль ГАР⁸ подаёт сигнал сразу... что происходит? Нам навстречу посылаются подлодка или противолодочник. Могут даже робота пустить с торпедой, который даст запрос «свой-чужой», а потом бухнет. Откуда пойдёт к нам перехватчик? Он пойдёт из авианесущей группировки. Они выставят линейный барьер и будут ждать. Даже наш курс более-менее точно рассчитают, и точку рандеву. Понимаешь? На всякий случай они и с Гавайев к нам перехватчиков отправят, но тем сколько идти? До тех далеко. И тут да... пройти мимо них незамеченными шансов у нас мало. Но мы хотя бы нанесём удар по авианосцу, а потом... Будем надеяться на удачу. Я думаю, если мы попытаемся вклиниться в их линию, то нас засекут так быстро, что мы не успеем ничего сделать. Я даже сомневаюсь, надо ли нам ждать связи со спутником? Может, лучше ... (долбануть) по ним сходу?

Старший помощник молчал, понимая, что вопрос командира не требует ответа. Шумела аппаратура, шли доклады из отсеков, с равными интервалами попискивали какие-то зуммеры. Спустя несколько секунд Зименко произнёс:

– И всё-таки, товарищ командир, я остаюсь при своём мнении. Мы можем предполагать, обнаружили нас или нет, но если не обнаружили, то мы можем нанести удар с большей неожиданностью и по большему количеству целей.

– Возможно, но...

В это мгновение поступил доклад от связистов:

– Время ожидания сигнала на сверхдлинных волнах истекло. Сигнала нет. Команды «Отбой боевой тревоги» не поступало.

Лосев поднял глаза на Зименко и сказал:

– Я тебя выслушал, Олегыч. Но действовать будем по моему плану. Надо его детально проработать. Мы в любом случае возьмём курс на ближайшую авиагруппу, поэтому твой план атаки, считаю, целесообразно оставить в качестве запасного.

⁷ «Молибден» – комплекс управления общекорабельными системами подводной лодки.

⁸ ГАР – гидроакустическая разведка.

Прошло двадцать четыре минуты от начала всплытия, лодка достигла отметки тридцать метров и проводились мероприятия, стандартные при достижении безопасной глубины. Связисты отрапортовали: до первого временного окна связи с военным спутником осталось семь-восемь минут. По данным БЧ-1 расстояние до противника составляло триста шестьдесят миль. Лосев отдал приказ связистам на подготовку к использованию средств спутниковой связи, а также на смену кодов в системах опознавания «Пароль». Новые запросные коды были на флешке из секретного пакета.

Сверили часы, подняли радиоантенну для связи с орбитальными аппаратами. Антенна была новая, очень чувствительная. На данной глубине в отведённое временное окно она уверенно принимала до двенадцати передач, идущих с интервалом в минуту.

В этот раз на волне ожидания царил мёртвая тишина.

До открытия окна связи со следующим спутником оставалось примерно двадцать минут. Лосев решил всплыть на перископную глубину. Пошла команда «прослушать горизонт», последовал рапорт. Лодка начала отклоняться от прежнего курса на семьдесят три градуса. Всплытие под перископ в дневное время, да ещё в радиусе действия палубной авиации ближайшей ударной группировки было шагом опасным, но командир рискнул. В пользу его решения говорило то, что по данным метеопрогноза в этом районе стоит штормовая погода, и акустики подтверждали прогноз показаниями высокой шумности водной поверхности.

Когда манёвр изменения курса был закончен, а цистерны вспомогательного балласта частично заполнены, командир объявил:

– По местам стоять к всплытию на перископную глубину.

Далее:

– Прослушать горизонт.

– Горизонт чист, – отрапортовал акустик.

– Товсь на быстрой! – отдал команду Лосев и его приказ повторил вахтенный поста электромеханической боевой части.

– Стоят на быстрой, – последовал доклад на ГКП.

– На малом ходу всплывать на глубину пятнадцать метров с дифференлом три градуса на корму, отсчёт глубины каждый метр.

Шли своей чередой рапорты и команды рулевых, звучал отсчёт. По мере приближения к поверхности боцман убавлял угол всплытия, лодка уменьшала ход. Наконец перископная глубина. Приказы и доклады продолжались: «Ход три узла на вспомогательных... Поднять штурманский перископ. Держать глубину тринадцать метров... Горизонт визуально чист... От быстрой отойти... включить РЭС на „высокое“, провести регулировку и калибровку без излучения...»

Штормило сильно. Массивные волны чувствительно поднимали и опускали огромный корабль, кренили его.

Вновь подняли антенну спутниковой связи «Кора —2М», убранную на время всплытия под перископ. Также выдвинули антенны пеленгатора, средств связи и радиопротиводействия: «Аниса», «Радиана», «Бухты»...

От командира БЧ-4 Артём Шабалина поступил доклад:

– Товарищ командир, модули ГЛОНАСС работают с ошибками, модули GPS-NAVSTAR информацию не выдают, прочие системы позиционирования недоступны.

Мгновение спустя прозвучал доклад младшего штурмана Георгия Пампиди:

– Подтверждаю: показания приборов космического позиционирования для расчётов не годятся.

Александр Иванович уточнил у Шабалина:

- ГЛОНАСС выдаёт ошибки, а GPS вообще ничего не выдаёт?
- Так точно. Товарищ командир, разрешите время, чтобы разобраться.
- Давай, Шабалин, разбирайся, только быстро. Доложишь через две минуты.
- Есть.

Лосев подошёл к перископу. Что-либо высмотреть было сложно: огромные волны съедали горизонт, дул сильный ветер, шёл дождь и над поверхностью клубился туман из брызг и схлопывающихся пузырьков пены. Похоже, корабль находился близко к центральной зоне урагана. Прибавили скорости. Шли минуты ожидания сигнала.

Шабалин докладывал:

– Товарищ командир, до нас доходят сигналы ГЛОНАСС только с двух спутников в южном полушарии, а этого мало для определения местоположения. А сейчас... вот только что... вообще только с одного спутника принимаем сигнал и он уходит за горизонт. GPS-сигнал мы получаем устойчивый, но он не дешифруется приёмником. Похоже, хозяева GPS изменили кодировку.

– Исправить это можно?

– Нет. У нас не лаборатория Касперского, – Шабалин смутился, видимо поняв, что выходит за пределы субординации, робко кашлянул. – Нет, нет у нас такой возможности, и специалистов нет.

– Ясно. Ну, с определением местоположения пусть нас штурмана спасают. Нда... так они что, перепрограммировали свои спутники? Это же и все приёмники надо прошить по новой? Разве нет?

– Примерно. Вероятно, они сменили алгоритм кодирования для неавторизованных пользователей. Данные получаем, только они не читаемы. А их специальный канал военной связи наш приёмник декодировать не может в принципе.

– Да про военный канал понятно, – махнул рукой командир. – Ладно, Артём, я тебя понял. Как связь с «КА-14»?

– Готовы. По графику, предоставленному нам БЧ-1, сеанс откроется предположительно через пять минут.

– Докладывайте по мере изменения обстановки.

– Есть.

Открылось условное окно связи. И снова тишина. Одна за другой истекли минуты ожидания – сигнала не поступило. Был ли вообще спутник на орбите?

Лосев запросил у связистов:

– Что там у нас на очереди?

– Следующим идёт «СОН-2». До открытия сеанса примерно восемь минут.

– Настраивайтесь на приём передачи с него.

Лосев не очень верил, что сеанс состоится, но почему бы не попробовать, если ждать совсем не долго. Потом с чистой совестью можно уходить на глубину. И вот расчётное время связи наступило, однако ближний космос по-прежнему молчал. Прошли три минуты, пять, семь...

Окно ожидания закрылось. В отсеках умолкли разговоры, слышны были только доклады и репетовки. Атмосфера была гнетущей: все понимали, что случилась большая беда. Может быть, и война-то уже закончилась... мгновенный удар, огненный шквал... всё закончилось, но беда не ушла. Далеко отсюда в огромной стране, над которой в эту минуту нависала такая же огромная ночь, оставались близкие люди. Сейчас все мысли членов экипажа были о них, о родных, о любимых, о ждущих. Какой ужас они там переживают? Ведь для многих наступил конец света.

Командир включил громкую связь и обратился к экипажу: «Внимание! Всему экипажу! Слушать всем! Братцы, вы все уже в курсе, наверное, что на сверхдлинных пришло сообще-

ние „Боевая тревога“. Это означает, что наша родина находится в состоянии войны. Некоторое время назад сигнал на сверхдлинных прекратился. Оборвался совсем. Кроме того, не поступают передачи с военных спутников. В общем, сомнений нет – наша страна подверглась нападению. А кто на нас может напасть, думаю, никому объяснять не надо. Наш потенциальный противник стал вполне осязаемым врагом. Его реальное присутствие обнаруживается нашими приборами, его можно слышать и даже видеть. И пришла пора провести по нему не условные атаки, а боевые. Мною вскрыт пакет с планом действий на случай войны, и мы уже начали действовать по нему. Братцы, пришла пора защитить нашу родину в настоящем бою. Мы в одиночку должны атаковать врага. Похоже, никто нам не поможет – но от нас ждут помощи многие. Я надеюсь, что все, кто остался ждать нас на берегу, живы. Живы и верят в нас. Так давайте примем бой за них, за их ожидание, за их надежду, за их молитвы о нас. С нами правда и Бог! Наши предки всегда побеждали в открытом бою – победим и мы!»

Он опустил микрофон, помолчал несколько секунд, потом вновь поднял его.

– Всем! Приступаем к выполнению боевой задачи! Боевая готовность номер один подвояная! – повесил микрофон, обратился к стоявшему вблизи старпому. – Зименко, курс сто пять, ныряй на глубину двести пятьдесят метров, дифферент восемь градусов на нос. Я пройду по отсекам.

– Есть принять командование кораблём, – ответил старпом и сразу же объявил по громкой связи: – В Центральном старший помощник командира капитан второго ранга Зименко. Убрать выдвижные устройства.

Лосев ещё минут десять-двенадцать был в центральном посту, читая показания приборов, просматривая штурманские карты и обмениваясь с офицерами короткими репликами, задержался у поста координации движения, затем у поста ракетно-торпедной части. Потом командир начал обход корабля, заглядывая во все отсеки, подбадривая людей, иногда отдавая распоряжения, кому-то дела и замечания, но в целом, стараясь поддержать боевой дух.

Возвратившись в Центральный, командир отдал приказ уходить на глубину четыреста восемьдесят метров. Также он распорядился выпустить буксируемую антенну гидроакустического комплекса «Скат», когда корабль достигнет обозначенной глубины. После этого Лосев примерно двадцать минут находился в штурманской и, покидая её, объявил сбор в кают-компании для совещания командирам боевых частей, а также командирам некоторых дивизионов и групп.

Первым делом кратко обсудили организацию вахт: пока лодка шла вдали от авианосных группировок врага, имелся смысл задействовать одну вахту, остальной личный состав займёт места согласно боевому расписанию при обнаружении очевидной опасности или для выполнения запланированной атаки. Исключением был штат радиотехнической боевой части – на него в ближайшие часы ляжет очень серьёзная нагрузка, и здесь командир БЧ со своим заместителем уже по ходу будут определять расписание.

Потом офицеры приступили к обсуждению плана предстоящей атаки на противника.

– Внимание! – чуть повысил голос Лосев. – Послушаем сначала штурмана. Вадим Григорьевич, докладывай диспозицию.

– Да, – прикрепляя карту к доске, сказал штурман Лобанов, – я кратко опишу складывающуюся ситуацию.

– Так, Шакшин, Рукоделов, разговоры закончили! Сюда внимание, – садясь на стул сделал замечание Лосев командиру третьей боевой части и командиру ракетного дивизиона (те шептались).

– Смотрите, мы находимся вот здесь, – Лобанов указал карандашом на кружок с точкой посередине. – Это наше обсервованное местоположение. Ближайшая группа кораблей противника находится здесь, если она не изменила курс и скорость со времени получения последних данных. До неё примерно триста шестьдесят миль. Вот наш путь. Здесь нам пару узлов добав-

ляло тёплое течение, с ним мы прошли над Императорским хребтом, и вот тут намечен поворот на сорок пять градусов...

Штурман вёл карандаш вдоль линии, обозначавшей намеченный путь подлодки, почти касаясь карты. Все внимательно следили за его рукой и слушали.

– ...так, чтобы пройти вдоль Гавайского архипелага и на безопасном отдалении от него. Теперь наша задача поменялась. Мы забираем чуть к северу, на пятнадцать градусов, выходим на дистанцию обнаружения противника гидроакустическими приборами, потом на дистанцию торпедной атаки. Вот предположительно точка атаки. Наносим удар – после этого совершаем манёвр уклонения, удаляемся на тридцать миль, встаём на начальный курс сто восемьдесят и идём к Гавайям, для нанесения второго удара.

– Значит, смотрите, – прервал командир штурмана, вставая, – почему я предполагаю действовать так. Зименко, между нами была дискуссия, да? Смотри. Мы имеем течение. Здесь оно раздваивается. Два рукава. Мы сейчас идём в северном рукаве.

– Аляскинское течение, – уточнил Лобанов.

– Да. Второй рукав отделился чуть раньше. Он загибается вот так и проходит между Императорским хребтом и Гавайями. Он с запада обтекает Гавайи. Поэтому мы можем просто лечь в дрейф. Когда дойдём до этого течения...

– Калифорнийское течение называется, – вновь уточнил штурман.

– Да, Вадим, но не перебивай. Когда дойдём до него, то ляжем в дрейф. На крайняк пойдём в тихом режиме и атакуем с юга. А если бы мы шли с севера, то попали бы в противоход другому тёплому течению. Понял да, Зименко? И ещё. Если бы мы атаковали по твоему плану, то не могли бы использовать течения – оно вообще работало бы против нас. Тогда или уходить на запад, к Америке, или плыть против течения. Продолжай, Вадим Григорьевич.

– Да. Только уточню немного. Северо-Тихоокеанское течение, в котором мы пока находимся, медленное, до полуметра в секунду, не более. Калифорнийское, огибающее Гавайи, чуть пошустрее, но сильно поверхностное. Если его использовать, то придётся держаться не глубже пятидесяти-семидесяти метров. В принципе, метеорологические условия это позволяют пока, но это очень условное «пока». Связи с нашими спутниками нет, но БЧ-4 во главе с капитаном третьего ранга Шабалиным Артёмом Максимовичем таки предоставила нам сводку с постороннего спутника. К сведению её принять можно, хотя и с некоторыми ограничениями. Когда мы сейчас всплывали, все почувствовали качку, да? В районе нашей предполагаемой атаки тоже будет штормить, правда, не с такой силой. Волнение моря ожидается шесть-семь баллов, облачность до восьми-девяти баллов, а сила ветра не более семи баллов; штормовой циклон идёт навстречу нам, то есть в восточном направлении. Направление ветра, кстати, в районе предполагаемой атаки будет тоже восточным. Вот основные сведения от БЧ-1.

– Спасибо, Вадим Григорьевич, – поблагодарил Лосев штурмана. – Как видите, товарищи офицеры, погода нам на руку. Облачность скрывает возможности авиации и орбитальных аппаратов противника, волнение моря затрудняет противолодочникам гидролокацию. Хотя для нас тоже есть препятствия. И тут на БЧ-7 особая ответственность. Синицын, Гуревич, слышите? Вы должны показать всё, что можете. Из аппаратуры тоже выдавливайте все возможности.

Командир БЧ-7 Синицын и его помощник Гуревич понятиливо кивали Лосеву. Оба офицера были весьма опытными. Синицын Андрей Андреевич, получивший звание капитан третьего ранга накануне похода, имел боевую награду за отлично выполненную работу на специальном задании и собирался вскоре поступать в Военно-морскую академию. Старший лейтенант Давид Гуревич служил прежде на подводной лодке проекта 955 «Борей»; спокойный, сосредоточенный, он рассматривался всеми как будущий командир БЧ-7, который сменил Синицына.

– Мы должны вовремя обнаружить противника... теперь, наверное, можно говорить прямо: врага. Вовремя обнаружить врага, определить численность ближайшей авианесущей группировки, классифицировать в ней цели. Но на первом этапе важно к этому врагу подбаться незаметно. Андрей Андреевич, тебе ведь приходилось подбираться к авианосцу на дистанцию поражения торпедой, а потом уходить незамеченным?

– Так точно, – кивнул Синицын.

– Условия были примерно такие же. А если один экипаж сумел, то чем мы хуже? Тем более и там была лодка нашего проекта.

– Нет, ну условия были другие. Тогда авианосец шёл с небольшой группой obsługi... Нет, это совсем другое.

– Тем не менее, задача перед нами стоит: уничтожение авианосца, уничтожение максимально возможного количества кораблей его охранения и сопровождения.

После этого Лосев подробно раскрыл подчинённым свою задумку.

Погодные условия действительно благоприятствовали выполнению задачи, но командир, произнося ободряющие слова, прекрасно понимал – выполнить её будет крайне сложно. Оборона авианосной группы эшелонированная, простирается на десятки и даже сотни миль. Первую опасность в этих оборонительных эшелонах несут спутники и самолёты дальнего обнаружения. Но их возможности как раз и скованы погодными условиями. Хотя оборудование орбитальных аппаратов позволяет следить за подводной лодкой, идущей даже на довольно большой глубине, облачность в четыре-пять баллов в сочетании с курсовым маневрированием корабля даёт возможность уйти от наблюдения. Самолёты ДРЛО⁹ подлодку могут обнаружить если она использует радиоизлучающие устройства и при этом находится у поверхности воды.

Значительно большую угрозу представляют радиолокационные, гидроакустические и магнитометрические буи, которые сбрасываются в воду с самолётов типа «Орион» на дистанции уже в сто миль от головного корабля группировки. При достаточно сильном волнении водной массы, и если лодка идёт на большой глубине, эти помехи можно пройти незаметно.

Уже на дальности в пятьдесят миль могут выставляться в охранение надводные корабли противоракетной и противосамолётной обороны. Среди них находятся также корабли противолодочной разведки, которые используют активную гидроакустическую и радиоволновую локацию. На этой дистанции применяются и вертолёты, оснащённые сбрасываемыми активными и пассивными буями.

Следующий эшелон защиты из кораблей противовоздушной и противолодочной обороны располагается в пятнадцати-двадцати пяти милях от авианосца. На некотором отдалении от авианосца может находиться группа кораблей ложного ордера, создающая помехи и отвлекающая внимание от флагмана.

Кроме всего перечисленного, в ближних от авиагруппы водах несут дежурство несколько подводных лодок врага. Они могут время от времени всплывать, или отправлять на поверхность малоразмерные радиобуи, чтобы без применения средств подводной связи, в том числе системы «свой-чужой», сообщить оперативному командованию о собственном присутствии, если попадают под пеленг своих кораблей. Перед противником они стараются не обнаружить себя: ни активной эхолокацией, ни радиопередачами, ни шумом механизмов.

Вот такую эшелонированную оборону намеревался преодолеть капитан первого ранга Лосев со своим экипажем. Можно выстрелить ракетами и с расстояния сто восемьдесят миль – но это выстрел наобум. Даже если бы плохая видимость и облачность помогли ракетам без своевременного обнаружения долететь до основного ордера, была очень большая вероятность, что целями стали бы второстепенные корабли. Здесь надо было подойти ближе, чтобы уж навер-

⁹ Самолёты ДРЛО – самолёты дальнего радиолокационного обнаружения.

няка определить мишени. И Лосев хотел нанести комбинированный удар ракетами и торпедами.

План командира Лосева был нарушен сообщением от БЧ-7, примерно через час:

– Пеленг сто три градуса, шум винтов, цель одиночная, надводная. Интенсивность шума медленно увеличивается.

Лодка шла на глубине четырехсот восьмидесят метров, буксируя антенну гидроакустического комплекса «Скат».

Следующий доклад спустя несколько минут:

– Поправка. По пеленгу сто три градуса цель групповая, надводная.

Прошло ещё некоторое время, и по характеру, количеству и расположению источников шума стало возможным уверенно определить в них авианосную ударную группу, идущую сложным кильватером¹⁰. Обработав данные, получили примерную дальность: более ста миль. Дистанция сокращалась. Похоже, выполнив определённую задачу, группировка двинулась на запад, чтобы занять позицию ближе к берегу. Может быть, теперь её целью было подавление российского тихоокеанского флота или уничтожение объектов на суше (к примеру, на Камчатке, в восточной Сибири), или АУГ просто уходила от удара возмездия. В любом случае, данные о её местонахождении устарели несколько часов назад, а эшелоны обороны переброшены в походный порядок.

Антенна «Ската» также обнаружила подводную цель на дальности около трёх десятков миль, двигавшуюся почти под прямым углом к курсу «Кота». Видимо, это была субмарина из сопровождения авианосца. На таких дальности, скорости и курсе она не представляла угрозы российской подлодке: следовало лишь держать её в поле зрения.

Лосев теперь постоянно находился на ГКП. Экипаж занял места согласно расписанию по боевой тревоге. Вскоре удалось подтвердить классификацию основных целей, определили и главную – авианосец под номером 75 «Гарри Трумэн». Характеристики шумов имелись в каталогах БИУСа подлодки, поэтому были опознаны и некоторые из кораблей сопровождения. Здесь был командный ракетный крейсер «Анцио», чей боевой девиз – «Компетентность, Самоотверженность, Дисциплина», эсминцы «Бейнбридж», «Болкли», «Гонзалес», а также «Грейвли», известный тем, что этот громадный боевой монстр пытался теснить в открытом море сторожевик «Ярослав Мудрый». В общем, на курс одинокой российской подлодки вышла восьмая авианосная ударная группа флота Соединённых Штатов Америки.

Корабельная связь безостановочно доносила в Центральный доклады и репетовки:

– Пеленг цели девяносто семь градусов, цель надводная.

– По пеленгу сто один градус активная локация, источник близко к поверхности, предположительно авиационные буи.

– Проверить данные по пеленгу цели номер один.

– Есть, проверить данные по пеленгу цели номер один!

– По пеленгу девяносто восемь градусов наблюдаю сигнал: короткий, периодический; предположительно сбрасываемый авиационный радиогидроакустический буй.

Командир то и дело совещался с офицерами, выслушивая их соображения, раздумывая. Пока экипаж действовал согласно разработанному ранее плану, так как встречное движение авианосной группы мало повлияло на задумку Лосева, но вместе с тем появились новые возможности.

¹⁰ Сложный кильватер – строй кораблей.

Во-первых, несколько снизилась опасность обнаружения подводными лодками врага – они, скорее всего, находились за кормой «Кота» и их внимание было сосредоточено в другой стороне. Обнаруженная субмарина находилась под наблюдением, но она вскоре удалится на такое расстояние, что приборы перестанут её обнаруживать. В то же время «Кот» находился для неё в «тени» шумов авианосной группы. Во-вторых, основная поисковая активность противолодочных кораблей сосредоточилась на направлении движения ордера – в этих условиях появилась возможность уйти в сторону, а потом зайти в тыл группировки. Правда, для этого надо было перейти на полный ход, а это – повышенная шумность. В-третьих, теперь можно использовать мины в качестве первого удара, поставив их на пути главной цели. Это и было самым привлекательным.

Однако авианесущей группировкой управляли не те добродушные люди, что руководят действиями «синих» в учебных морских сражениях флота России. Уже через пару минут после обнаружения «Трумана» акустики докладывали, что тот сменил курс. Ещё через несколько минут – скорректировали курс и корабли сопровождения. Скоро авианосец вновь меняет направление движения. За ним, с некоторой задержкой, поворачивают остальные корабли группировки. Авианосец и обслуга маневрировали с целью уклонения от атак подводных лодок! Отклонение от генерального курса незначительное – тем не менее, у нашей подлодки могло просто не хватить запаса мин, чтобы перекрыть сектор курсовой вариации. А одной и даже двумя минами невозможно пустить на дно американский авианосец. Можно на время вывести его из строя, заставить снизить скорость, но уничтожить... для этого надо больше боеприпасов. Или невероятное везение.

И всё же вариант с установкой мин на пути авианосца был очень привлекательным. В арсенале подлодки имелись новейшие дрейфовые минно-торпедные комплексы «ПМК-3Г» питерского завода «Двигатель». Их можно было запустить на дальность до двадцати пяти миль и задать глубину погружения. Мина дрейфовала на глубине от тысячи до полутора тысяч метров при помощи основной гондолы с гелием и регулировочной. На меньших глубинах, до километра, комплекс якорится ко дну, задаётся режим активации, и компактный микропроцессор вычисляет угол опережения, получая координаты цели от чувствительного пассивного гидролокатора. У комплекса, как в глубинном, так и в обычном исполнении, кроме каналов электромагнитного и гидродинамического реагирования, имелась возможность нацеливания по акустическому профилю, заранее введённому в процессор устройства. Из нескольких шумов мина нацелится на шум определённого корабля. На дистанции поражения комплекс переходил в режим ракето-торпеды. Но это ещё не всё...

В «ПМК-3Г» отечественная инженерная мысль впервые воплотила идею «умного минного поля», когда все боевые единицы заграждения в автоматическом режиме оповещаются об атаках цели. Она атакуется одной, двумя или тремя мино-торпедами, в зависимости от запрограммированного алгоритма атаки. Атакующая мина посылает оповестительный сигнал соседним единицам, располагающимся на определённом расстоянии, и даже если их датчики в пассивном режиме ещё не обнаружили цель, то включается активный режим сканирования, после чего происходит самонаведение и выстрел малогабаритной торпеды. Такие минные поля могут включать в себя донные автономные аппараты координации работы минного заграждения (АКМЗ – автономный контроллер минных заграждений), способные мобильно восполнять использованные боеприпасы, или плавучие координаторы-ретрансляторы, в виде бакенов и буёв.

Принятие на вооружение флота «ПМК-3Г» добавляло такие возможности, которые меняли тактику боя подводных лодок. Мина может выпускаться из торпедного аппарата не производя сильного шума, а в режиме реверса корабля и вовсе практически бесшумно. «ПМК-3Г» не только несла смертельную угрозу с глубины в полтора километра, но в случае преследования, например следящей вражеской субмариной и надводным противолодочным кораблём,

заставила бы преследователя обходить мину или даже раскрывать своё присутствие средствами противодействия торпедным атакам – ведь в отличие от торпед мина несёт отсроченную смертельную опасность.

Менее чем через час, когда авианосец и остальные корабли группировки сделали по несколько манёвров, стало ясно, что флагман не выходит за пределы курсового коридора шириной в три мили. К этим данным добавлялись результаты наблюдения за обнаруженной ранее американской субмариной, которая двигалась прямолинейно. В сумме эти сведения позволяли довольно точно определить генеральный курс авианосца, а это давало возможность установки мин на его пути.

Авианосец «Гарри Труман» был уже в шестидесяти семи милях от подлодки, когда Лосев решил ставить минное заграждение. Координаты наиболее подходящего места были вычислены за минуту до этого. На борту «Кота» имелось десять мин «ПМК-3Г» – командир отдал приказ установить шесть. Закипела работа в первом отсеке. В электронно-вычислительный блок каждой мины были введены акустические профили судовых типов, установлены режимы активации. Из двух торпедных аппаратов были выгружены самонаводящиеся торпеды, загруженные по тревоге как боеприпасы первой очереди, а их место заняли запрограммированные на уничтожение авианосца мины.

Свернули антенну «Ската», после чего боцман отклонил вертикальные и горизонтальные рули. Вскоре «Кот» шёл на глубине пятьсот тридцать метров, под углом сорок пять градусов к генеральному курсу авианосца. До назначенного места установки надо было пройти более десяти миль.

На ГКП и в отсеках чувствовалось сильное напряжение. Ожидание... ожидание схватки и решающего момента!

– Цель по левому борту, одиночная, пеленг сто восемь градусов, классифицирована как грузовой транспорт большого водоизмещения, танкер.

– Вас понял, продолжайте наблюдение.

– Центральный, докладывает командир минно-торпедного дивизиона капитан-лейтенант Вдовин. Минно-торпедные комплексы снаряжены, проверены, личный состав и оружие к бою готовы.

– Отлично, Вдовин. Ждите команды.

Вышли на точку установки минного заграждения. Сбавляя ход, но не меняя курса, лодка выпустила три снаряда на заданную дальность. Затем, разворачиваясь, отстрелялась ещё тремя. Расположение мин напоминало перекрестие. Они опустились на глубину в тысяча двести метров, где открылись краны, пускающие газ в гондолы. Пока накачивалась основная гондола, мины продолжали углубляться по инерции, до отметки полтора километра, где зависали и, путём стравливания и закачки газа в дополнительную гондолу, удерживались на заданной глубине. Здесь мина, медленно сносимая течениями, сможет оставаться до пятидесяти часов в ожидании цели, – на такой срок рассчитаны её ресурсы – после чего должна быть выловлена или самоуничтожиться.

Манёвры подводной лодки были сопряжены с опасностью обнаружения, потому что приходилось подставлять под основной вектор возможной локации большую площадь корпуса и винты. По этой причине Лосев направил лодку к месту установки заграждения не перпендикулярно движению авианосной группы, то есть самым коротким путём, а под углом сорок пять градусов и навстречу. Впрочем, на скрытность тут ещё работали дальность и тёплое течение; лодка находилась ниже основной массы этого течения, в холодных водах, а сигналы систем активной гидролокации сильно рассеиваются на границе разнотемпературных и неравносолё-

ных – то бишь, разных по плотности – водных масс. Помогал и тайфун бушующий над океаном: сотни тысяч тонн влаги, проливающейся каждую минуту из облаков, заметно опресняли воду у поверхности. Это явление ещё и прибавляло пару сантиметров осадке крупных надводных судов.

Выставив заграждение, «Кот» взял курс на запад, к подводным горам Императорского хребта. Двигаясь задним ходом, лодка должна была удалиться на восемь миль и подняться на отметку четыреста пятьдесят метров.

Экипаж готовился к двум вариантам действий. Если группировка, сблизившись с подлодкой, «нащупает» её до входа в зону минного поражения, – а вероятность обнаружения крайне высока на дистанциях менее двадцати миль до кораблей с противолодочной аппаратурой – то субмарина откроет огонь телеуправляемыми торпедами, затем выпустит шумоимитатор и начнёт уходить реверсом на малом ходу. Отходя таким образом, можно продолжать стрельбу торпедами и выставять мины. Уход с дифферентом на всплытие позволит ещё отстреляться торпедами, используемыми на средних глубинах, а позже и ракетами. Хотя офицерами «Кота» план отхода прорсчитывался, шансов уцелеть в такой ситуации почти не было.

Согласно второму варианту, подлодка, затаившись, дожждётся срабатывания минного заграждения, после чего нанесёт удар торпедами по заранее выбранным целям (не более пяти) и попытается незаметно уйти на малом ходу. Второй вариант не предполагал использование режима повышенного тепловыделения ядерного реактора, но если возникнет необходимость, то выйти на этот режим может и не хватить времени.

Дистанция и глубина рассчитывались исходя из возможностей оружия. Если для лодки наиболее безопасными были большие глубины и максимальная удалённость от цели, то для боеприпасов требовались определённые условия применения. Например, на борту имелись противолодочные ракеты пускового калибра 650 мм комплекса «Ветер», но запускались они с глубины не более ста метров. То же и противокорабельные ракеты «ЗМ-54» калибра 533 мм: они отстреливались примерно с такой же глубины и при волнении моря не более пяти баллов, а полноценно отработать на конечном отрезке атаки могли, если вблизи цели стихия не превышала семи баллов. Получается, что на малых дистанциях, на которых врагу сложно отбить ракетную атаку ввиду нехватки времени, эти снаряды применять весьма рискованно: потому что подвсплытие на малую глубину наверняка приведёт к демаскировке, а после атаки осложнит уход от преследования. По одиночному судну можно рискнуть ударить ракетами с расстояния в несколько миль, но против группы придётся действовать с удаления в десятки миль, а значит, реактивные снаряды наверняка будут сбиты средствами противовоздушной обороны. Ракет, отстреливаемых даже в пусковых контейнерах, на глубине четыреста – шестьсот метров на вооружении российского флота нет. Не было на подлодке и гиперзвукового оружия, хотя о нём разговоры шли давным-давно.

В арсенале подводной лодки было восемь ракет комплекса «Ветер» и две усовершенствованные торпеды модели «65—76» – это под стрельбу из торпедных аппаратов калибра 650 мм. Для выполнения специальной задачи на борту разместили глубоководные изделия для длительных поисково-разведывательных работ, выпускаемые из тех же торпедных аппаратов. Таких изделий было два, с ними работала пара специально зачисленных в экипаж инженеров.

Под торпедные аппараты калибра 533 мм арсенал был укомплектован минами «ПМК-3Г» (десять мин), двумя торпедами «ТЭ-3» и четырьмя торпедами «Футляр» новейшей модификации с возможностью «тихого» старта, восемью ракетами комплекса «Калибр», из них четыре противокорабельные «ЗМ-54» и четыре «ЗМ-14» для поражения наземных целей. Кроме того, имелось две ракеты «ЗМ-14», снаряжённых термоядерными блоками мощностью в сто пятьдесят килотонн. И, наконец, на борту размещались шесть самоходных аппара-

тов гидроакустического противодействия калибра 533 мм: четыре типа «Бериллий»¹¹ последней модификации и два «Бериллий УН» несущих в своём облегчённом корпусе миниатюрные дрейфующие приборы «Вист-2М».

Впервые два торпедо-места арсенала заняли четыре изделия, которые относились к классу мин, хотя и весьма необычных по своему назначению.

Это новый класс вооружения, который, как ожидалось, поможет экипажу если не отразить атаки с воздуха, то хотя бы осложнить противнику их организацию. Автономная плавающая зенитная установка, или сокращённо АПЗУ. Название – «Чинар»: моряки сразу переименовали его в ласковое «чинарик». Представляет собой контейнер с четырьмя пусковыми системами на основе переносного зенитного ракетного комплекса «Верба», разнесёнными от общего центра, и миниатюрной антенны на гироскопах в герметичной полусфере. Контейнер всплывает на поверхность как обыкновенный спасательный буй, сохраняя вертикальность, выполняется ориентировка по компасу или с помощью спутниковой навигации. Система обнаружения целей имеет несколько каналов активации: часовой, акустический, дистанционный. Основной режим работы радиолокатора – пассивный. После перехода радиолокатора в активный режим, выполняется комплекс процедур по поиску и классификации цели, а также анализу условий для пуска; если алгоритм принятия решений делает выбор «огонь», то необходимые данные о цели вводятся в пару ракет, и пусковые трубы с ракетами выстреливаются на поверхность. Непосредственно перед выстрелом, антенна углубляется, чтобы не повредиться выхлопом. Уже в нескольких метрах над водой запускаются двигатели ракет, и они вылетают из труб. Для сохранения устойчивости и осадки после потери ракетной массы контейнеры частично заполняются водой.

Моряки сразу назвали это оружие противовоздушной миной. Действительно, принципом действия оно повторяло минно-торпедные комплексы. Герметичный контейнер калибра 533 мм, весом примерно сто с лишним килограммов и длиной немногим более трёх метров выпускался на глубинах до ста метров из торпедного аппарата. На поверхности у него отстреливалась конусная крышка и выдвигался шток с элементами антенны. АПЗУ «Чинар» могла работать до суток, оснащалась запросчиком «свой-чужой», выключалась согласно введённой программе или дистанционно, имела механизм самоликвидации.

Особую ценность установке добавлял способ активации радиолокатора по звуку. То есть ещё дедовский способ, когда бойцы противовоздушной обороны прослушивали небо с помощью специальных труб, теперь применялся снова, но бойца заменил чувствительный микрофон. Компьютер анализировал характеристики звука, сравнивал их с данными, поступающими от миниатюрного гидрофона, дабы отделить шум авиационного двигателя от шума моторного катера, и отдавалась команда радару: начать локацию воздушного пространства. Во избежание необоснованного обстрела цели несколькими установками присутствовала опция сетевого обмена информацией между ними, с уверенным приёмом кодированных сообщений на дальности в несколько километров. Чтобы противник не выловил зенитную установку обыкновенным тралом, она имела защиту как у обычной морской мины и оснащалась зарядом взрывчатки.

Конструкция противовоздушной мины позволяла на момент запуска снарядить её двигательной насадкой с запасом топлива на несколько миль и конечным балластом, что давало возможность выставить АПЗУ в заданном квадрате, добавляя элемент скрытности и внезапности. По достижении боевой позиции двигательная насадка и балласт отстыковывались и зенитная установка всплывала.

¹¹ «Бериллий» – самоходный многоцелевой автоматический прибор гидроакустического противодействия калибра 533 мм; модификации прибора имеют буквенные индексы в наименовании.

Недостатки этих устройств были типичными для класса мин. Например, противоздушная мина могла сработать не только по крылатым ракетам или малым беспилотникам врага, но и по своим; однако этого можно было избежать, задавая временные режимы её активности или прокладывая курсы ракет соответствующим образом. Довольно серьёзные ограничения для нормальной работы системы локации были по волнению моря: до пяти баллов.

И всё же одинокой подводной лодке, не имеющей никакого прикрытия от авиации, противоздушная мина давала некоторую защиту. Вертолёт и самолёт не смогут сбрасывать гидроакустические буи и авиационные торпеды в непосредственной близости от координат обнаружения лодки. Если учесть, что торпеды и буи имеют не только ограничение по дальности обнаружения целей, но и сбрасываются с определённой высоты, то наличие АПЗУ теперь являлось большим подспорьем для российского флота. Также она давала защиту от маловысотных разведчиков и вертолётов, на борту которых была установлена аппаратура лазерного подводного сканирования.

Вообще, если говорить об оружии российского флота, имелись сложности с торпедами, но положение стало улучшаться несколько лет назад. Применение «Футляра» ограничивалось глубиной выстрела в четыреста метров, но этой глубины достаточно для решения большинства задач, и данное ограничение не отягощало задачи экипажа «Кота» в нынешней ситуации. После модернизации корабля и оружия появилась возможность практически бесшумного запуска торпед, особенно уместного при реверсном движении подлодки. Обозначились и подвижки в телеуправлении, в котором российский флот отставал на десятилетия от воинственных соперников.

Отечественные торпеды с телеуправлением, особенно тепловые, долгое время были слишком шумными. Это делало почти невозможным их применение против «тихих» подводных лодок противника. Если торпеда шумит сильнее цели, то на экране оператора цель просто заглушается, исчезает в шумах торпеды. В случае с одиночной, малоскоростной и беззащитной целью, это не очень существенно, но при атаке группы кораблей, или в условиях применения акустических помех потеря контакта с целью, до достижения торпедой дистанции самонаведения, наверняка приведёт к промаху. Чтобы этого избежать, снаряд пускали в сторону от цели и постепенно подводили к ней, уменьшая так называемый угол створения, видимый на экранах гидроакустических систем. Хотя для торпед с системой наведения по кильватерному следу, на определённых углах атаки, использование такого приёма было вполне оправдано.

Помимо слабых систем наведения и устаревшей тактики торпедных атак, эти изделия по современным меркам имели излишний вес и калибр. У противника на вооружении стояли боеприпасы калибров порядка 340 мм, в связи с чем имелась возможность держать на борту большой арсенал. Боцман по этому поводу мрачно шутил с офицерами минно-торпедной части: «Ваш железо-тротильный балласт тянет в отрицательную зону средний показатель плаваемости нашего флота. У вас же торпеды весят почти как якоря на крейсере». Командир, обсуждая торпедное вооружение с сослуживцами, ругался: «... (чёрт побери), у них „марки“ последнего мода на полтонны легче, ходят в полтора раза дальше, чувствительность тоже раза в полтора лучше, и это при том, что наша „УСЭТ“ ... (срисована) с ихнего „марка“ сорок четвёртого! И боезапас у них больше. Чем я с ними воевать должен?» «Только героизм и желание не подвести начальство позволяет нам в таких условиях держать на высоком уровне отчётные показатели», – иногда добавлял боцман в подобных разговорах.

Тем не менее, в последние годы торпеды ускоренно модернизировались, и арсенал теперь был укомплектован более совершенным оружием. Обстоятельства же предстоящего боя пока благоволили экипажу «Кота». Шум стихии, бушевавшей в этом районе, а также шум самой авианосной флотилии не позволяли врагу засечь русскую подводную лодку на дальней

дистанции. Скачки плотности, подводные возвышенности позади по курсу, завихрения и расчленения течения в прихребтовой зоне создавали серьёзные преграды для гидроакустической локации и, как следствие, для обнаружения подлодки. В то же время имелись трудности и у неё. Скажем, здесь не находился «жидкий грунт»¹², как в прибрежной полосе или на мелководье, коим часто пользовались субмарины в Северном ледовитом океане. Воздействие течений на малом ходу здесь было довольно значительным. Вообще в этом районе было сложно придерживаться курса из-за многих факторов, а серьёзных гидрологических исследований, в контексте обеспечения скрытной деятельности подводных лодок, Россией тут не проводилось.

От заместителя командира БЧ-5 Шария поступило тревожное сообщение: «Течь в румпельном отсеке». Начали разбираться. Течь оказалась не сильной; по сути, вода каплями просачивалась из привода кормового руля. Командир был в курсе – время от времени она наблюдалась и раньше, соответствующие записи вносились в вахтенные журналы, а также в лист требований ремонтных работ. Похоже, ремонтники не справились с проблемой. Хотя доклад из румпельного отсека не вызвал видимой нервозности, не известно, что случится, когда гидравлика перейдёт в режим работы рулей на полном ходу или противник использует глубинные боеприпасы.

Акустики докладывали, что в шести – девяти кабельтовых перед авианосцем идут два корабля. Идут прямо, не совершая манёвра противолодочного уклонения, одно из них на пару кабельтовых впереди, а расстояние между ними полтора градуса по горизонту. Уточнили данные по генеральной скорости авианосца: примерно двадцать два узла. Это означало, что он идёт на полном ходу. Также офицеры рассчитали очерёдность применения боеприпасов и изменение глубинно-дифференциальных показателей при стрельбе, потому что каждая из торпед имела вес около двух тонн.

И вот подлодка была уже в восьми милях от выставленного ею минного рубежа, то есть на предполагаемой позиции засады, а авианосная группа давно находилась на дистанции поражения телеуправляемыми торпедами, и приближалась к зоне, в которой должны были сработать мины.

Внезапно поступил доклад от поста радиотехнической боевой части: «БИП¹³, Центральный. Пеленг три градуса справа по борту, сигнал активных средств локации с параметрами: на частоте десять с половиной килогерц. Сигнал короткий. Сигнал потеряян».

Лосев тут же связался с командиром БЧ-7 Андреем Синицыным.

– Засекли?

– Пока не могу сказать, – отвечал тот. – Но сигнал сильный. Если он отразился на локатор мощно, то сейчас начнут нас щупать на разных частотах. Это цель номер четыре, предварительно классифицирована как противолодочник, уточняем по признакам два и три.

– Давай, Андреич, слушай внимательней.

Прошло несколько минут, снова тревожная весть от радиотехнической боевой части:

– Пеленг три градуса справа по борту. Сигнал активных средств. Сигнал неустойчивый...

Сигнал не обнаруживается.

Самые напряжённые мгновения. Засекут, сомнений почти нет. Сколько времени отпущено судьбой до этого момента? И вот звучат слова:

¹² Жидкий грунт – слой водной толщи, плотность которой выше, чем прилегающих слоёв. Позволяет дифференцированной лодке длительное время находиться в равновесном и неподвижном (относительно слоя) состоянии. Снижает возможность обнаружения.

¹³ БИП – боевой информационный пост; одна из задач операторов поста – ввод в БИУС данных об обнаруженных целях.

– Сигнал активной работы ГАС¹⁴ слева по борту, три градуса! Сигнал устойчивый, ритм чёткий с периодом восемь секунд, на частоте три и три десятых килогерца. Справа по носу четыре градуса, сигнал активной работы ГАС. Сигнал широкополосный, чёткий, ритмический, с периодом восемь секунд. Пеленг меняется вправо.

– Пеленг сигналов совпадают с координатами кораблей охранения главной цели. Цели номер три и номер четыре. Цели классифицированы как эсминцы типа «Арлей Бёрк» третьей серии с ГАС.

– Расчётная дистанция до ближайшей цели (цель номер четыре) шестьдесят восемь кабельтовых.

– Наблюдаю направленный постоянный сигнал на частоте два с половиной килогерца. Товарищ командир, мы обнаружены противником!

Словно раскололся прочный корпус и холодная беспросветная бездна хлынула в отсеки. Это не учения! Отбоя тревоги не будет. Обнаружены! Обнаружены не командой родного флота, и даже не потенциальным противником, а самым настоящим врагом. И пойдут сейчас к лодке не практические торпеды, а боевые, с сотнями килограммов взрывчатки!

Хотя, следуя первоначальному плану, Лосев должен был командовать «Пли!» расчётам торпедных аппаратов, какое-то наитие, какая-то ещё неоформленная мысль, не дали ему это сделать. Слишком просто. Чересчур прямолинейно, незамысловато. Но и медлить было нельзя.

Повисшую на секунду тишину прервал голос командира:

– Экипаж, внимание! Мы обнаружены противником. Боевая тревога! Командиру БЧ-5, готовить реактор к работе на полном ходу и полной нагрузке на электромеханическую часть. ВИПС/ДУК¹⁵ товсь! БЧ-7, ГАС в активный режим! Данные по основным целям, для стрельбы, живо! БЧ-3, первый и четвёртый торпедные аппараты, согласно утверждённой очередности, товсь!

Пространство лодки наполнилось командами, репетовками, докладами. Лосев уже собирался дать команду «Огонь!» первому и четвёртому торпедным аппаратам, когда поступил доклад: «Пеленг справа по носу четыре градуса, сигнал на частоте семьсот тридцать мегагерц, двухимпульсный, короткий, сигнал завершён. По характеристикам соответствует запросному сигналу морских флотов НАТО».

Выслушав доклад и подумав секунду, командир приказал:

– Продолжать наблюдение, – затем: – Прибор ГПД¹⁶ «Бериллий» приготовить к вводу данных. Пешков, принимай доклады. Шабалин, приготовь диктофон для записи сообщения.

Сам он схватил ручку с блокнотом, и спешно внёс запись. Она гласила: «I am the captain Bharangita. My country ***¹⁷. We remain neutral. We ask you not to impede for us». После этого он быстро прошёл к посту связистов, взял протянутый ему микрофон.

– Тишина на БП¹⁸! Отключить на посту систему громкой связи, – командовал Лосев и дважды под запись зачитал текст. Разрешил включить громкую связь и приказал командиру БЧ-4: – Передать им через громкоговоритель два раза речью и дважды морзянкой.

Возвратившись на своё место, командир продиктовал параметры хода для аппарата-имитатора: от старта имитация выхода на полный ход – двигаться параллельно нынешнему курсу лодки пять кабельтовых – поворот вправо на девяносто градусов – одна миля хода с подъёмом

¹⁴ ГАС – гидроакустическая система.

¹⁵ ВИПС/ДУК – пусковая установка ВИПС предназначена для постановки средств оповещения и гидроакустического противодействия; ДУК – схожее с ВИПС устройство, но более широкого применения.

¹⁶ Прибор ГПД – прибор гидроакустического противодействия.

¹⁷ Название государства автором умалчивается из моральных и политических соображений. Текст: «Я капитан Бхарангита. Моя страна соблюдает нейтралитет. Прошу не препятствовать нам».

¹⁸ БП – боевой пост; в данном случае, пост одной из групп БЧ-4.

на глубину двести пятьдесят метров – поворот на восемьдесят градусов вправо – держаться глубины и курса.

Пока всё это делалось, подразделение капитана третьего ранга Сеницына активной локацией получило точные сведения о курсе и местоположении основных целей авиационной группы. Данные были введены в БИУС, утверждены командиром и начали обновляться на торпедах. А дальше...

А дальше командиру докладывают, что с пеленга запросчика принято сообщение. Сообщение было коротким, всего два слова на английском языке. Это был приказ: «Ascend immediately!» – «Всплывайте немедленно!»

Командир тут же распорядился перевести ГАС в пассивный режим, удостоверился в готовности торпед – и дал команду «пуск» для аппарата-имитатора. Сразу после этого он вызвал по громкой связи командира БЧ-5:

– Котенко, приборы РЭБ пока не применять. Понял?

– Так точно.

– Чтобы все твои расчёты знали. ВИПС/ДУК держать наготове, но приборы РЭБ без моей команды не применять. Чтобы никто машинально не выпустил шумелку, ясно?

– Так точно, товарищ командир, без вашей команды ВИПС/ДУК для постановки приборов РЭБ не применять.

Затем Лосев распорядился готовить второй имитатор, а для торпедных аппаратов №1 и №4 скомандовал: «Пли!» К авианосной цели ушли две телеуправляемые электрические торпеды. Сохраняя заданное выбрасывающим импульсом направление, они шли пока практически вслепую, так как акустическое поле почти полностью было забито шумом имитатора.

– Внимание! По местам стоять к всплытию! Боцман, всплывать на глубину полста метров, дифферент на нос десять градусов, – отдал Лосев приказание боцману Закрутову.

Пока первые торпеды догоняли и перегоняли «обманку», а та начала делать запланированный поворот, была введена программа во второй аппарат-имитатор «Бериллий». Приготовлены ещё две телеуправляемые торпеды: они предназначались для удара по ближайшим кораблям сопровождения авианосца, обнаружившим «Кота». Второй шумоимитатор, согласно введённой программе на тихом ходу должен был дойти до той точки, где совершал поворот первый аппарат, повернуть в другую сторону и, постепенно поднимаясь на глубину двести пятьдесят метров, пройти две мили, после чего перейти в режим воспроизведения полного хода подводной лодки.

Выстреляна вторая пара торпед! Через несколько секунд подлодка выпустила имитатор. Без промедления стали вводиться задания ещё в два прибора ГПД. В это же время загружались в торпедные аппараты две противовоздушные мины. Они были запрограммированы так, чтобы не помешать стрельбам крылатыми ракетами, которые будут производиться с глубины пятьдесят метров, а именно: АПЗУ не будут учитывать высококонтрастные цели, набирающие высоту на дальности ближе трёх тысяч метров. Это означало, что стартующие «Калибры» будут безопасно покидать зону обстрела зенитных установок, а на дистанции более трёх километров стандартный алгоритм принятия решения об атаке исключит их из числа объектов, годных для обстрела. При этом используемые в «Чинарах» ракеты «9М336» будут готовы поразить цели, приближающиеся из-за пределов зоны ограничения и малоконтрастные объекты типа вертолёт или винтового самолёта.

АПЗУ готовы к использованию – об этом докладывают в Центральный из первого отсека. Для снаряжённых противовоздушными минами аппаратов Лосев командует: «Пуск!» – и зенитные установки уходят к поверхности. Через несколько минут они встанут на защиту экипажа от атак с воздуха. Теоретически они могут сбивать даже торпедоносные американские ракеты «Асрок», но реальную смертельную опасность противовоздушные мины несут авиации врага.

Кстати, когда Лосев недавно общался с инженерами, практиковавших личный состав в использовании противовоздушных мин, то они ему по секрету рассказали, что идут работы над расширением возможностей этого оружия. Так, например, предполагалось, что в ближайшем будущем АПЗУ смогут сбивать и объекты, спускаемые на парашютах – а это уже иной уровень защиты подлодок.

Подошла очередь снарядов калибра 650мм. Два выстрела из торпедных аппаратов №2 и №3 – и модернизированные, мощные, самонаводящиеся, имеющие в памяти акустические профили восьми типов кораблей врага торпеды ушли – ушли сложным курсом на глубине шестьсот метров.

И вот, когда первая пара телеуправляемых подводных снарядов прошла немногим более половины своего пути, на ГКП вспыхнуло табло с надписью: «Осторожно, торпеда!». Через секунду последовал доклад радиотехнической боевой части: «Внимание! Пеленг полтора градуса слева по носу, угол уменьшается, шум скоростной торпеды, интенсивность шума не меняется».

Лосев скомандовал:

– Изображение на монитор в Центральный! – и рванулся к пульта акустика, что располагается рядом с постом рулевой группы на ГКП.

Он надел наушники с микрофоном и чуть склонился к дополнительному монитору. На экране были видны полосы шумов главной цели и торпед, угол створения которых постепенно уменьшался. Торпеды шли в стороне от цели, чтобы не закрыть её своим шумом, но в высокочастотном спектре они всё же сливались в пиксельной гуще. Отчётливо была видна отдельная короткая полоска, пересекавшая шкалу пеленгов и курсовых углов в верхней части экрана – она упиралась в отметку пеленга полтора градуса и восемьдесят семь градусов истинного курса подлодки.

В эти же мгновения за переборкой БЧ-7 Вадим Синицын, поднимая предупредительно указательный палец левой руки, а другой рукой принимая листок с записями от командира вычислительной группы старшего лейтенанта Давида Гуревича, произносил:

– Сейчас. Вот, сейчас... сейчас... Так! Точно, это сработала наша мина! Вот ещё одна!

Теперь все могли видеть ещё одну удлиняющуюся полоску, только что появившуюся на экране чуть левее первой.

– Значит, сейчас ахнет? – спросил командир; лицо его в эти мгновения было совершенно хищным.

– Через несколько секунд, – Синицын видел, что шум не нарастает, а из этого следовало, что объекты не приближаются. – Согласно этим вот данным и телеметрии с наших торпед получается, что это квадрат, где мы поставили мины. Дальность соответствует. Ну, они дрейфуют ещё в сторону авианосца... Через несколько секунд узнаем.

И ахнуло! А потом ахнуло ещё раз! И главный командный пункт сдавленно вскрикнул в единой эмоции, и поднялся десяток пар рук со сжатыми кулаками. Командир не удержался, тоже крикнул:

– Есть! – и двинул кулаком воздух, но... но тут же собрался и шикнул на подчинённых: Прекратить гвалт! Тишина!.. Мать вашу! Зарублю винтом! Через галюн продую всех! Работать тихо. Это война, братцы. Продолжаем атаку!

Глаза командира горели, хищное лицо выражало азарт.

Снова зазвучали доклады из отсеков, репетовки, переговоры офицеров на ГКП, короткие приказы. Помощник командира скоро вносил записи в вахтенный журнал, разносился моно-

тонный голос одного из рулевых: «Глубина сто шестьдесят пять метров, глубина сто шестьдесят метров, глубина сто пятьдесят пять метров...»

– Эхолокация затруднена, наблюдается множественная работа средств гидроакустического поиска в активном режиме.

– Внимание! Для телеуправляемой торпеды номер один цель прежняя, главная. Телеуправляемую торпеду номер два выводить на цель номер четыре, пеленг три градуса, эсминец типа «Арлей Бёрк».

– Есть выводить торпеду номер два на цель номер четыре, надводную!

– Для телеуправляемой торпеды номер три задать цель номер шесть, по пеленгу пять градусов, слева по борту.

– Есть выводить торпеду номер три на цель номер шесть, надводную!

– Внимание! Телеуправляемую торпеду номер четыре вести к цели номер семь, по пеленгу два градуса слева по борту.

– Есть вести четвёртую телеуправляемую торпеду к цели номер семь!

– Глубина сто пятьдесят метров.

– Товарищ командир, шум винтов главной цели не обнаруживается.

– Точно попали. Может, они заглушили оба реактора? Удерживайте контакт, там других шумов должно быть много.

– Телеуправляемая торпеда номер один потеряла гидроакустический контакт с целью.

– Телеуправляемую торпеду номер один вести на ручном управлении к последним координатам главной цели.

– Включился режим имитации аппарата ГПД номер два. Пеленг по курсу соответствует программной установке.

– Реактор набрал восемьдесят процентов тепловой мощности. Все системы энергетической установки в норме. Ориентировочно, время набора полной тепловой мощности четыре минуты.

– Глубина сто сорок пять метров.

Кипела работа и в первом отсеке, где готовились к пуску две последние торпеды калибра 533мм. Ещё два торпедных аппарата этого калибра принимали противокорабельные ракеты «ЗМ-54», для удара по сторожевым единицам вражеского ордера. Планировалось ударить шестью ракетами, а две сохранить про запас, на случай преследования лодки кораблями противника или ещё какой-либо неожиданной ситуации. А вот минно-торпедные устройства команда должна была выставить по окончании атаки: имелась очень большая вероятность, что они найдут себе достойную цель, когда враг начнёт прочёсывать этот район.

Ко всему прочему готовились к запуску оба поисково-разведывательных аппарата. Командир собирался запустить аппараты в сторону ордера в качестве обманок, потому что их можно было принять за подводных роботов или, если очень повезёт, даже за торпеды – правда, они сильно уступали в скорости любой торпедой.

От акустиков поступил доклад: по пеленгу минного заграждения появилось несколько источников шума. Предположили, что это супостаты задействовали средства гидроакустического противодействия. Шум самой вражеской армады значительно ослаб: похоже, корабли легли в дрейф или снизили ход до малого. Признаков обнаружения «Кота» пока не было – всё-таки сработали отвлекающие манёвры, хотя усиленный поиск вёлся, о чём свидетельствовали сильнейшие помехи. Но вскоре враг очухается и перейдёт от хаотичного барахтанья в собственном эхе к планомерному сканированию с одного или двух кораблей, наиболее приспособленных для противолодочной борьбы. И ещё не сказала своего слова авиация. Каковы бы ни были метеоусловия, но самолёты и вертолёты будут вести охоту за подлодкой, если ещё не начали её. Возможно, выведение из строя авианосца создаст сложности, так как ему надо держаться должным образом относительно направления ветра и не выходить за пределы определённого

угла крена, но ведь есть ещё корабли охранения с палубными вертолётами. Вероятно и подключение авиации со стороны. Впрочем, если отработают противовоздушные мины – так, как этого от них ожидают, – авиация надолго уйдёт с горизонта.

Акустики понемногу приноровились к хаосу шумов, варьируя частоты прослушивания. Судя по показаниям приборов, сработали ещё две противокорабельные мины, но скорее всего они среагировали на вражеские имитаторы. Наконец первая телеуправляемая торпеда вышла на дистанцию самонаведения. И сразу же захватила цель вторая торпеда. Вскоре раздался один взрыв... второй! Если верить показаниям приборов и раскладам штурманской группы, координаты взрывов совпадали с расчётными координатами авианосца и одного из эсминцев. Два попадания!

Однако через несколько секунд на ГКП поступило неприятное сообщение: кабели второй пары телеуправляемых торпед перехлестнулись, видимо, со сброшенными кабелями первой пары – одна из катушек застопорилась, по другому кабелю связь была потеряна. Пришлось прервать ручное управление до выхода торпед в зону самонаведения, то есть без задания конечного курса к цели.

Последовал новый шквал помех: враг задействовал следующую очередь приборов гидроакустического противодействия. Лодка к этому времени вышла на глубину пятьдесят метров и боцман начал дифференцировать подводный крейсер.

Раздался ещё один взрыв. Невероятно, но одна из торпед второй пары нашла себе жертву! Торпеда №4 поразила не «свою» цель, а соседнюю – №6. Во всяком случае, пеленг взрыва совпадал с пеленгом одного из вражеских кораблей. Кроме того, согласно докладу оператора торпеды, её курс в момент обрыва связи, как раз лежал к этой цели. А другая торпеда, очевидно, была потеряна.

Ещё гидроакустики засекли эхо взрыва, предположительно произошедшего там, где должен был находиться в это время второй имитатор. Это уже враг перешёл к активным действиям.

Торпеды третьего залпа, калибра 650мм, прошли большую часть дистанции на малом ходу, то есть в скрытном режиме, но теперь двигались на полной скорости и вот-вот ожидалось срабатывание их систем самонаведения.

Лосев должен был дать команду для выстрела ещё двумя торпедами, но он дал отбой: теперь в этом не было смысла – корабли противника легли в дрейф или двигались на самом малом ходу, ими наводились очень сильные помехи. В связи с предполагаемым манёвром лодки и обстоятельствами данного момента исключалось телеуправление: всё это делало пуск торпед бессмысленным, вероятность поражения цели была практически нулевой. И командир приказал заменить их ракетами, чтобы дать два залпа – по четыре ракеты.

– Отбой торпедной атаки!

Торпеды были извлечены и из первого отсека последовали соответствующие доклады. Были определены цели для ракет, обработаны в боевой информационно-управляющей системе корабля, утверждены командиром и внесены в электронно-вычислительные блоки реактивных снарядов, оставалось лишь загрузить их в торпедные аппараты и нажать кнопку пуска. На загрузку боевых изделий в аппарат уходит около двух минут.

– Ракетная атака! – прозвучал приказ командира, когда из первого отсека доложили о проведённой замене. – Торпедные аппараты номер один, два, пять, восемь товсь! ВИПС/ДУК товсь!

В этот раз стрельба будет сопровождаться запуском дрейфующих многоцелевых приборов гидроакустического противодействия. Два прибора должны будут создавать помехи для вражеской обнаруживающей аппаратуры, а два запрограммированы для отведения самонаводящихся торпед. Вслед за этим с небольшим интервалом уйдут на поверхность две пары приборов, подавляющих радиосвязь между акустическими буями и противолодочной авиацией.

– Пли!

Кнопка нажата, и с заданной очередностью, с интервалом в несколько секунд, ракеты стали покидать чрево подводного крейсера. После каждого пуска лодка вздрагивала, потом её нос чуть поднимался, слышался гул, и тело корабля испытывало мелкую дрожь.

Но в первом отсеке, где было шумно и пахло ружейной смазкой, люди не чувствовали дрожи корабельного тела, хотя явно ощущали, как нос лодки, избавившись от нескольких тонн смертоносной массы, спружинил, поднялся. Это особенно сильно ощущалось теперь, после того, как лодка некоторое время шла с креном на нос. Вместо ушедших к целям ракет в торпедные аппараты сразу же загружали новые реактивные снаряды. Люди перекрикивались, обстановка была нервной. Из присутствующих здесь только три человека – командир ракетного дивизиона Рукоделов, командир минно-торпедного дивизиона Вдовин и старшина Гатауллин – участвовали в пусках боевых ракет, а остальные производили пуски только на тренажёрах или отстреливали из торпедных аппаратов болванки.

Тем не менее личный состав дивизионов справлялся. Полётные программы офицерами вводились без задержек, матросы заученными движениями, хотя временами слишком резкими, открывали и закрывали вентили, крышки, поворачивали рычаги приводов. Вторая очередь ракет комплектовалась двумя единицами «ЗМ-14» и двумя «ЗМ-54». После них в торпедные аппараты загрузят всплывающие зенитные установки «Чинар», затем мины «ПМК-3Г».

На ГКП тоже было напряжённо: голоса звучали громче и резче обычного. Враг уже начал действовать. Пока работают запущенные «шумелки» и режут стартовые двигатели всплывающих ракет, тянутся несколько очень неприятных минут: практически нет возможности услышать подходящую малозумную торпеду или отследить движение вражеских кораблей.

Можно не сомневаться, что весь экипаж чувствовал бы себя куда как тревожнее, если не было бы защиты с воздуха «Чинарами». Возможно, в это время вертолёт противника сбрасывали бы поблизости самонаводящиеся торпеды. Большая опасность была в том, что лодка ушла недалеко от места, где её обнаружил враг и откуда началась атака – она отделилась всего лишь на полторы мили. При этом датчики систем самонаведения новейших американских торпед обнаруживали малозумные объекты, вроде нашей подводной лодки, по меньшей мере за пять миль, при благоприятных гидрологических условиях. А если предположить, что вертолёт или самолёт, направляющийся к месту обнаружения лодки, к своему счастью не успевает сбросить торпеды в заданных координатах и обнаруживает пуск ракет?.. Пилот уже через минуту мог бы нажать кнопку сброса прямо над рубкой «Кота». В таком случае у экипажа не было бы ни единого шанса для спасения. Да, это большая удача и фора, что на борту «Кота» есть оружие, какого нет у врага, – оружие, которое защищает его в воздушном пространстве.

– Держать глубину полста метров!

– Есть держать глубину.

– Первый торпедный аппарат к бою готов! Второй торпедный аппарат к бою готов.

– Вас понял. Ждём готовности пятого и восьмого.

Сразу после пуска ракет лодке предстояло совершить резкий разворот почти на сто восемьдесят градусов.

Прошло чуть больше минуты.

– БЧ-3 к пуску ракет готов!

– Внимание! Ракетная атака! Первому, второму, пятому, восьмому торпедным аппаратам... пли!

И вновь на пульте управления ракетно-торпедными пусками офицер нажал кнопку. Вздрагивание, гул, едва заметная дрожь корпуса – но матросы уже готовили следующие снаряды. Сначала будут отстреляны АПЗУ, потом – оставшиеся четыре глубинных мины. Тем временем выпущены ещё четыре пары малогабаритных прибора ГПД для создания шумовых помех и отведения торпед.

Неутомимые трудяги электромеханической боевой части в это время удерживали корабль на заданной глубине, отслеживали заполнение балластных цистерн, положение рулей, перезаряжали трюмные пусковые установки и выполняли ещё много других действий, благодаря которым могли без лишних трудностей делать свою работу, торпедисты, ракетчики, связисты, акустики, штурманы.

– Аппарат-имитатор номер три «Бериллий», пуск!

– Аппарат-имитатор номер три выпущен.

– Приготовить к пуску четвёртый «Бериллий».

– Есть приготовить четвёртый «Бериллий».

– Торпедные аппараты номер пять и восемь зарядить автономными плавающими зенитными установками. Торпедные аппараты номер один и четыре приготовить к пуску самодвижущихся глубоководных мин.

Истекла минута и поступил доклад о готовности торпедных аппаратов к пуску АПЗУ.

– Пятый и восьмой торпедные аппараты, пли!

В этот раз срабатывание торпедных аппаратов никак не ощущалось. О том, что установки ушли к водной поверхности, можно было узнать лишь по рапорту из первого отсека

– Торпедные аппараты номер пять и номер восемь отстрелялись и свободны.

– Пятый и восьмой торпедные аппараты зарядить глубоководными самодвижущимися минами.

– Есть зарядить глубоководными...

Отсчитываются секунды и минуты, идут доклады.

– Расчётам первого, четвёртого, пятого, восьмого торпедных аппаратов, приготовиться к пуску самодвижущихся глубоководных мин!

Тикают секунды.

– Первый, четвёртый, пятый, восьмой торпедные аппараты к пуску мин готовы.

– Внимание! Торпедная атака! Командиру минно-торпедного дивизиона, произвести пуск самодвижущихся глубоководных мин!

– Есть произвести пуск самодвижущихся глубоководных мин.

С небольшим интервалом самоходные мины покидали чрево корабля и занимали позиции на пути вероятных преследователей. Торпедные аппараты тут же готовились к загрузке очередными боеприпасами.

– Экипаж, внимание! Приготовиться к резкому повороту. Боцман, лево на борт, вертикальные рули до упора!

– Есть, лево на борт, рули до упора.

– Встать на курс двести шестьдесят!

– Есть.

Лодка прекращала движение реверсом, разворачивалась.

– Прибор номер три «Бериллий», начал выполнять программу имитации.

– Отлично. Приготовиться к запуску имитатора номер четыре.

– Есть приготовиться к запуску «Бериллий» номер четыре.

– Доложить о готовности разведывательных роботов.

– Ходовые программы в роботы ведены, роботы в торпедные аппараты загружены, торпедные аппараты номер два и три к бою готовы.

– Для первого робота... пуск!

– Есть пуск!

– Товарищ командир, курс двести шестьдесят.

– Стоп машина! Держать курс.

– Есть стоп машина. Вертикальные рули прямо.

– Внимание! Приготовиться к погружению.

– По местам стоять к погружению.

Идут доклады, но, не дожидаясь их окончания, Лосев командует:

– Полный вперёд! Курс двести шестьдесят, дифферент на нос три градуса, погружаться на глубину двести пятьдесят метров!

Огромный винт начал набирать обороты, рассекая воду продолговатыми лопастями, толкая подводный крейсер вперёд и в глубину. Ещё минуту назад приходилось студить систему труб разогретого реактора, но теперь пар раскручивал турбину и его с трудом обуздываемая мощь шла на разгон многотонного корабля.

Вглубь. Вглубь!

Ныряя, лодка отстрелила четыре малогабаритных «шумелки». Почти одновременно с этим стартовал четвёртый самоходный аппарат ГПД калибра пятьсот тридцать три миллиметра, и сразу свернул влево от курса корабля. Далее он на малом ходу должен будет пройти два кабельтовых, начать имитацию среднего хода со ступенчатым погружением до четырёхсот пятидесяти метров и лечь на курс двести восемьдесят градусов, что соответствовало направлению к берегу Камчатки. Один-два раза, согласно программе, он будет переходить в «тихий» режим, чтобы запутать противника. Третий аппарат в это время плыл на глубине семьдесят метров, за лодкой, немного в стороне от неё. Он будет постепенно углубляться, отстанет примерно на милю, включит имитацию полного хода, но продолжит идти за ней некоторое время, всё более и более отставая.

Через несколько минут лодка достигла заданной глубины. За это время судно удалилось более чем на полторы мили от того места, где были запущены ракеты и выставлено минное заграждение. У командира имелся график манёвров, подготовленный штурманской группой. Манёвры лодки, в том числе и переходы с одной скорости на другую, соотносились с манёврами имитаторов. В данный момент тактика уклонения и скрытности требовала нахождения за кормой подводной лодки аппарата шумовых помех – он должен был отвлечь на себя не только торпеды противника, но и вообще его внимание.

Из сообщений акустиков с большой долей вероятности можно было вывести, что три ракеты из восьми попали в цели – эхо их взрывов исходило из координат вражеских кораблей. Один из взрывов был особенно сильным: возможно, детонировали боеприпасы на поражённом судне. Или это была одна из двух ракет с индексом «1» в цифровом наименовании. Эти изделия имели только две ступени и подлетали к кораблю на маршевой скорости, делая «змейку», чтобы не попасть под обстрел палубной артиллерии. Вместо сверхзвуковой финишной ступени данная модель комплектовалась дополнительным объёмом взрывчатки.

Три попадания из восьми пусков – хороший результат для текущих обстоятельств. Дело в том, что ракеты запускались почти с минимальной дистанции. Погодные условия на поверхности океана не были известны достоверно, но предположительно они соответствовали предельно допустимым для работы разных приборов и механизмов. Например, скорость ветра. Так как полётные задания предполагали ложные курсовые манёвры, то в любом случае на каком-то этапе полёта ракет ветер должен был сильно сносить их в сторону. Из-за того, что дистанция стрельбы была очень короткой, ракеты на конечном отрезке не успевали разогнаться до полной скорости, – это значит, что их вполне можно было расстрелять противоракетами или палубными пулемётами. Хотя в условиях шторма сделать это врагу было сложно. На кораблях противника имелись и лазерные пушки для противоракетной защиты, но в дождь и туман вряд ли их использовали бы, потому что такие условия значительно снижают эффективность теплового луча.

На ГКП шли доклады, отсюда уходили распоряжения: «Седьмой отсек осмотрен, замечаний нет... Торпеды первой очереди загружены. Первый отсек к бою готов... Уровнять среднюю и кормовую цистерны... Дифферентовка завершена... Снять отчёты... Прибор ГПД номер три „Бериллий“ совершает манёвр...»

Командир взъерошил волосы, потом разгладил их. Подошедший Пампиди указал на кальку маневрирования, что-то сказал. Лосев взглянул на неё, потом перевёл взгляд на секундомер, дождался момента и командовал:

– Право на борт десять градусов.

– Есть право на борт десять градусов.

– Синицын, сейчас на твоём посту особая ответственность. Слушай во все уши, понял?

– Так точно, – отвечал Синицын.

Вновь вспыхнуло табло: «Осторожно, торпеда!»

И минули считанные секунды, как прозвучал доклад акустика:

– Внимание, пеленг девяносто восемь градусов, слабый шум.

– Что за шум?

– Интенсивность шума не меняется, цель глубоководная, пока других данных нет... торпеда... скорее всего торпеда.

– Боевая тревога! Мы атакованы! Против нас торпедная атака! Приготовиться к резкой смене курса! Боцман, курс сто шестьдесят!

– Есть курс сто шестьдесят.

Корабль, шедший под водой на максимальной скорости, начал делать резкий поворот на сто десять градусов. Такого манёвра, а именно занятия позиции под определённым углом к атакующей торпедой, требует тактика уклонения. Следовало бы ещё и винт остановить для уменьшения шумности, но это повлекло бы резкую потерю в скорости во время выполнения манёвра, а сам манёвр значительно затянулся бы. Поэтому моряки в эти секунды пытались удержать равновесие, ухватившись за что-либо, и ждали окончания манёвра.

– Курс сто шестьдесят.

– Стоп машина! Держать курс, дифферентовать лодку.

– Есть...

– Приготовить четыре прибора ГПД «Спрут»!

Опять идут доклады, в это время акустик уточняет параметры приближающейся торпеды.

– Внимание! Приготовиться исполнять режим «Тишина»... Исполнить режим «Тишина»!

Стихли голоса, мерно гудела аппаратура, иногда издавал звуки корпус. Четыре запрограммированных прибора «Спрут» находились в пусковых установках «ВИПС»: они активируются через двадцать секунд после запуска. Командир ждал сведений о дистанции до обнаруженного источника шума, чтобы вовремя отдать команду на их использование. Но если в ключевой момент лодка будет двигаться согласно своему курсу очень медленно или вообще ляжет в дрейф, то использование дрейфующих приборов не только потеряет смысл, но станет и опасным из-за близости к подводной лодке.

– Интенсивность шума растёт незначительно, пеленг меняется, девяносто девять градусов, – докладывал вполголоса акустик.

Американские торпеды, сброшенные с вертолётки или самолёта, после включения своего движителя начинают идти по кругу, постепенно погружаясь всё глубже, то есть их путь представляет собой спираль. Двигаясь, они ведут локацию, активную или пассивную, или чередуя эти способы. Торпеды, пущенные подлодками или кораблями, идут к цели на полном ходу, а с определённой дистанции переходят на малый ход, двигаются змейкой и ведут распознавание шумов цели средствами гидроакустической системы. Чтобы распознать торпеду по её действиям и характерным шумам требовалось некоторое время. Но был ещё и третий вариант, наиболее опасный: торпеда могла быть телеуправляемая.

Прошла минута. Пеленг поменялся ещё немного, уровень шума тоже незначительно вырос. Пока можно было предположить, что цель движется немного в сторону от подлодки и сближается с шумоимитатором, а вместе они приближались к лодке, которая после остановки

винта ещё двигалась по инерции, но быстро тормозилась водной толщей и вот-вот должна была лечь в дрейф. Лосев распорядился приготовить к пуску четыре малогабаритных самоходных прибора ГПД «Тунец». Эти приборы годились для использования малоподвижной лодкой.

– Цель использует активный гидроакустический поиск...

И в этот момент раздался звук! Громкий и низкий, с шуршанием и треском, словно по корпусу ударил громадный глиняный валун, разбился – и его осколки покатались по обшивке. Корабль заметно дёрнуло.

– Глубинный взрыв по пеленгу прибора ГПД «Бериллий» номер три. Блин... глушануло немного.

– Слушать внимательно, без лишних эмоций – сделал замечание Лосев акустику: – Всем, тишина!

Но тишину никто и не думал прерывать. Был подорван аппарат гидроакустического противодействия, прикрывавший лодку с кормы, шедший совсем близко. И торпеда, уничтожившая его, не была замечена приборами «Кота», её не слышал акустик! А если вдогонку подлодке был произведён залп из нескольких таких торпед, и обманулась шумоимитатором лишь одна из них, первая? И это наверняка так, потому что американская тактика ведения подводного боя заключается в залповой атаке несколькими торпедами.

– По пеленгу девяносто три градуса активная работа гидролокатора и шум торпеды.

Опасность стала слишком осязаемой. Поблизости работало несколько торпед. Возможно, где-то рядом затаилась подводная лодка врага. Да, обстановка на поверхности была неблагоприятной для гидроакустического поиска, но на той дистанции, на которой находились торпеды противника, это уже не имело значения. Только абсолютное соблюдение режима тишины на борту «Кота» и наличие работающего шумоимитатора могли сейчас остановить маятник смерти, незримо и безжалостно приближавший гибельную развязку.

Бум! Корабль качнуло, дребезжащий шум и потрескивание издал корпус. Экран, на который выводилась рекордограмма с пеленгатора, на секунду стал почти полностью зелёным. Уничтожен шумоимитатор номер четыре. Лодка теперь была совершенно беззащитна для чужого оружия. Командир понял, что таиться бессмысленно. Лодку обязательно засветят гидроакустические датчики торпед и разведывательных буёв. На такой глубине и удалившись всего-то на полторы мили от места ракетной атаки, просто нет шансов остаться незамеченным. В таких обстоятельствах избежать гибели было невозможно – её можно было только отсрочить.

– ВИПС/ДУК товсь! – скомандовал Лосев.

Как только расчёты пусковых установок доложили о готовности он отдал приказ:

– ВИПС/ДУК пли!

Отстреляны по четыре самоходных и дрейфующих прибора гидроакустического противодействия, выполнявших разные программы: имитации и подавления. Пока пусковые установки заряжались следующими приборами, Лосев продолжал отдавать приказания:

– Окончен режим «Тишина». Боевая тревога, приготовиться к погружению. Экипаж, прошу в меру возможности соблюдать тишину. Никаких лишних и случайных звуков и разговоров. И полная сосредоточенность на выполняемой задаче. Опасность торпедного нападения сохраняется.

Командир отпустил микрофон громкой связи, висевший у его рабочего места на спиральном проводе.

– Запускаем шумоимитатор. Программа хода для прибора ГПД номер пять «Бериллий УН-4», диктую: старт в скрытном режиме, право на борт девяносто градусов, удаление на три кабельтовых, отстрел приборов «Вист», право на борт пятьдесят градусов, начало имитации полного хода, погружение на глубину четырёста семьдесят метров в дифференте десять градусов, по достижении держать глубину и идти на полном две минуты, по истечении двух минут включить имитацию малого хода на пять минут. Поправка: рассчитать время подхода торпед

от авианосной группы с учётом, что пуск торпед будет произведён по достижении имитатором трёхсот метров глубины. Время подхода торпед минус тридцать секунд – есть момент начала имитации аппаратом скрытого режима. Если время подхода торпед минус тридцать секунд приходится на цикл погружения, то внести соответствующую поправку в программу, удалив имитацию малого хода, добавив отстрел «вистов» и переход в режим уклонения. Всё. Произвести расчёты, вести программу, доложить о готовности к пуску.

Лосев бросил взгляд на хронометр, потом обратился к штурману через прибор связи:

– Лобанов, доложи о местоположении лодки.

Последовал краткий доклад.

– Значит так, Вадим, – говорил командир, вставая со своего кресла, – начнём двигаться по новому курсу, с погружением до пятисот. Боцман, слышишь? Начинаем движение с переменной курса, одновременно с началом имитации прибора ГПД. По курсу сто сорок идём на полном, ныряем до пятисот. Переходим на малый, и одновременно встаём на курс сто восемьдесят. Дальше... дальше видно будет.

– Только один имитатор запустим? – спросил Зименко.

– Один, – Лосев кивнул.

До того, как поступил доклад о готовности аппарата гидроакустических помех, командир успел выслушать сообщение БЧ-7. Оказалось, что из авианосной группы два корабля набирают ход, выдвигаясь в авангард атакованного ордера. Обнаружены две цели, вероятно, подводные лодки, идут полным ходом к «Коту», предварительный расчёт дальности: тридцать – тридцать пять миль. Похоже, одна субмарина была той самой, которую обнаружили перед атакой, но потеряли из вида после сворачивания антенны «Ската». Только что было два взрыва по пеленгу главной цели и цели номер три. Также акустики засекли шумы, которые могли быть звуками отстреливаемых зенитных ракет и всплесками от упавших в воду летательных аппаратов.

– Командир БЧ-7, акустик, почему не засекли торпеду, которая подорвала четвёртый имитатор? – спросил Лосев строго.

Синицын ответил не сразу.

– Шум имитатора заглушил её... возможно.

– Ладно, будем разбирать эту оплошность потом. Если останемся в живых.

Медлить было нельзя. Вполне вероятно, что вслед первой очереди торпед пущена вторая, или на подлёте противолодочная авиация. Кроме того, надо было удаляться от этого места, потому что скоро активируется минное заграждение, выставленное «Котом», а на собственных минах тоже вполне можно подорваться.

А между тем пришло время задуматься и об экономии малогабаритных приборов ГПД: их оставалось на борту уже немного. Сейчас следовало бы выстрелить три или четыре пары «шумелок» с небольшим интервалом, но перед началом движения были запущены только пять приборов: один – на создание помех гидроакустическим комплексам кораблей, два – на подавление систем самонаведения торпед, ещё два – на имитацию ложных целей. А потом...

Лосев дал команду к пуску пятого аппарата шумовых помех. Это была новейшая, секретная модификация прибора «Бериллий». Вероятно, «Кот» стал первым подводным кораблём, принявшим её на вооружение. Этот шумоимитатор нёс в своём чреве четыре малогабаритных прибора ГПД, которые, в свою очередь, могли программироваться или заменяться другими, аналогичными по калибру. Он мог управляться по волоконно-оптическому кабелю, но и в автономном режиме обладал потрясающими возможностями. Шумоимитатор имел корпусные гидроакустические датчики и пятнадцатиметровую кабель-антенну с выносным детектором бортового мини-ГАКа, которые даже при неблагоприятных гидрологических условиях могли обнаружить торпеду, идущую полным ходом, на дальности около мили. Если вычислительный блок шумоимитатора определял, что торпеда приближается, то отдавалась команда

на запуск малогабаритных приборов ГПД, а сам шумоимитатор выполнял манёвр уклонения, в зависимости от положения относительно приближающейся торпеды.

Лосев ставил себя на место врага, на место тех американских офицеров, что вели сейчас охоту на «Кота». После отстрела малогабаритных «шумелок» и запуска «Бериллия» охотники увидели бы на экранах своих радаров несколько источников шума, а затем две цели, по шумовым и ходовым параметрам схожие с подводной лодкой. Но потом одна из них, реагируя на торпеду или активную работу гидроакустических буёв, скрывается в облаке помех приборов ГПД. Не зная, что российский флот обзавёлся секретной новинкой, вражеские офицеры, без сомнения, примут именно эту цель за настоящую подводную лодку. В любом случае, именно на ней будет сосредоточено внимание, а «Кот» получит шанс скрыться от преследователей.

Команду «полный вперёд» Александр Иванович отдал за несколько секунд до того, как этот режим начал имитировать прибор ГПД номер пять. Сразу последовала команда на смену курса – минус двадцать градусов. Как только манёвр поворота был выполнен, прозвучал приказ на погружение до пятисот метров. Подводная лодка набирала ход и уходила на глубину.

Командир радиотехнической боевой части докладывал, что враг массированно применил средства гидроакустического противодействия, вследствие чего авианосная группировка более не распознавалась как отдельные корабли, а превратилась в один большой источник шума. Даже два корабля, что выдвинулись вперёд, теперь не определялись в общем звуковолновом хаосе. Искусственные помехи затрудняли и обнаружение торпед, которые наверняка были запущены кораблями в район ракетной атаки «Кота». Главная антенна подлодки, в дискретах сорок пять и шестьдесят герц всё ещё улавливала шум двух субмарин врага, двигавшихся навстречу ей, и несколько других целей впереди, в широком секторе по курсу.

Лосев немного был удивлён тем, что американцы применили массированное гидроакустическое противодействие с таким опозданием. Он мог лишь предположить, что они увлеклись, желая немедленно обнаружить дерзко атаковавшую их подлодку и уничтожить её. Кроме того, как это не раз подмечалось, они слишком высокомерно относились к возможностям флота России, недооценивая его. Если бы ими была выставлена такая защита сразу же, как только обнаружили первую пущенную «Котом» торпеду, то у второй и последующих торпед не было бы ни единого шанса – у американцев некоторое техническое преимущество в средствах обнаружения и противодействия.

У российского флота огромный дефицит противоторпедного оружия и приборов ГПД нового поколения. На надводных кораблях России имеются пусковые установки с противоторпедами разработки конца прошлого века, малоэффективные и ненадёжные против современных самоходных снарядов, а на подводных лодках они начали появляться лишь недавно. На борту «Кота» противоторпед не было, потому что российские снаряды, как и многие зарубежные, имеют калибр порядка трёхсот сорока миллиметров, а пусковые установки подлодки располагались лишь в носовой части и были большего калибра. Размещение переходных приспособлений, да и самих снарядов, повлекло бы сокращение прочего арсенала, а иные способы предполагали слишком серьёзные переделки. Новые проекты подводных лодок уже предусматривают использование противоторпед, но такие корабли в составе флота можно на пальцах пересчитать.

Только-только появились у подводников более-менее «умные» и сравнительно качественные шумоимитаторы, но системы акустических помех и имитации на основе малогабаритных аппаратов уступают разработкам европейских и американских инженеров, в первую очередь мощностью, длительностью работы, функциональной адаптивностью программного

обеспечения. Лосев изучал материалы по американским, итальянским, французским средствам защиты кораблей и мог сделать вывод, что российский флот отставал в этой сфере.

И вот началась война. «Кот» запустил пять крупнокалиберных шумоимитаторов, больше двух десятков малогабаритных приборов ГПД – и теперь ощущался недостаток средств обороны. Ударное оружие на борту для решения серьёзных задач ещё оставалось, но чтобы уйти от контратаки врага требовалось больше средств противоторпедной защиты, гидроакустического и радиоэлектронного противодействия. А так... так получается, что экипаж русской подлодки может эффективно атаковать врага, но это почти наверняка будет стоить ему жизни.

И всё же Лосев мог себя чувствовать «командиром счастливой „Шуки“»¹⁹. Пока враг ещё не полностью вышел из режима мирного времени, пока его надменность и самоуверенность дают шансы счастливчикам, но скоро... Скоро противник будет действовать более предусмотрительно, наученный опытом собственных потерь. Тогда российским морякам понадобится продвинутое оружие – а где его взять? Во время Великой Отечественной тысячи заводов и миллионы людей были перевезены за Волгу, за Урал, и там нашли спасение, нашли силы для восстановления государственных ресурсов. Но теперь за горами Урала не укрыться. Нет такого места на родной земле, куда не достанет атомный огонь.

На борту оставались две крылатых ракеты с термоядерными зарядами, и командир опасался, что они мёртвым грузом лягут на дно океана в случае успешной атаки врага. С полукилометровой глубины они не взлетят, а идти на глубине позволяющей ракетную стрельбу, в данных обстоятельствах подобно самоубийству. Имелось желание отправить их в торпедный аппарат, введя предварительно координаты авианосной группы, и, если вражеская торпеда сблизится до дистанции исключавшей промах, нажать кнопку пуска... но для акта мести не было технической возможности.

Шли секунды, отсчитывалась вахтенная глубина. Столь резкий нырок на отметку пятьсот метров нёс в себе опасность серьёзной аварии – но в эти минуты любое действие или промедление несло в себе смертельную опасность. Приходилось выбирать из двух зол и надеяться на то, что удача всё ещё с «Котом».

Достигли пятисот метров глубины. Потрескивал корпус, шумели механизмы и ёмкости от перепада давления и температуры. Лодка освободилась от нескольких десятков тонн оружейной массы, и для удержания корабля в подводном положении потерянный вес возместили сравнительно тёплой водой верхнего океанического слоя.

Выйдя на заданную отметку, экипаж осматривался, дифференцировал корабль. Лодка в горизонтальной плоскости шла быстрее, управляемая минимальным отклонением рулей. Чуть раньше завершил свой манёвр погружения пятый имитатор.

Пока приближения торпед непосредственно к лодке не наблюдалось, но боевая часть управления фиксировала источники активной локации. Похоже, клюнули американцы на уловку командира Лосева. Сейчас они сосредотачивали внимание на имитаторе, отстреливавшемся малогабаритными приборами ГПД, и поиском мин, которые могла выставить русская подлодка. Вести локацию из ордера, из эпицентра собственных помех крайне проблематично, поэтому они наверняка используют сбрасываемые авиационные гидроакустические буи. Или же запустили в квадраты поиска несколько самонаводящихся торпед. А скорее всего – скидывают и буи, и торпеды.

По-прежнему согласовывая свои действия с программой имитатора, через две минуты перешли на малый ход. Сразу же был произведён манёвр поворота на сорок градусов влево. Как только лодка легла на новый курс, командир ввёл режим тишины.

Спустя минуту Лосев запросил доклад у командира БЧ-7. Синицын сообщил: авианосная группа закрыта шумовой завесой; в пяти милях справа по борту, по пеленгу от сорока

¹⁹ «Командир счастливой „Шуки“» – советский художественный фильм, основанный на реальных событиях.

семи до семидесяти четырёх градусов обнаруживаются источники активной гидролокации; одна из двух ранее обнаруженных лодок идёт прежним курсом на полном ходу; вторая, вероятно, перешла на тихий ход и более не обнаруживается.

– Ну что, братцы, атака и манёвр уклонения завершены, – сказал командир Лосев, опираясь на подлокотник и вытягивая ноги. – Теперь нам надо опасаться в первую очередь атак подводных лодок противника. Пока на поверхности бушует непогода, его возможности ослаблены по части применения авиации и спутников. Да и наши противовоздушные мины, кажется, сработали и пугнули супостата. Они ещё полчаса, может быть, поищут в районе нашей ракетной атаки и по следу пятого имитатора, а потом начнут отрабатывать наш курс. А, как думаешь, Пешков?

– Я думаю, их командование очертит круг, в котором нас и будут искать. Ихние лодки займут засадные позиции в западной части круга, по полукругу, чтобы не пропустить нас домой, а тральщики, противолодочники и авиация будут теснить нас с востока, да и со всех сторон. Применяют активную локацию буксируемыми антеннами и обстрел ракет-торпедами.

– Согласен, Алексей. К гадалке не ходи: уже сбрасывают буи. Выставят линейный барьер к востоку и кольцевой с центром в точке нашей ракетной атаки. Так что у нас один вариант: уходить отсюда поскорее. А как поскорее уйти на тихом ходу – я не знаю. Не сказали мне об этом учителя-командиры. Наверное, и сами не ведали.

Лосев вытащил из кармана брюк носовой платок, вытер им лицо, затем руки. Встал, подошёл к посту рулевых, взял у них бутылку воды, сделал несколько глотков. Через несколько минут он отдаст приказ на манёвр смены курса. После этого судьба экипажа почти полностью будет во власти внешних обстоятельств.

«Кот» на малом ходу шёл к Гавайской гряде. Атака, которую он победно совершил на вражеский ордер – невероятная удача. Противник просто ещё не успел втянуться в реальную войну, им же начатую. Но теперь подлодка находилась в очень и очень непростых обстоятельствах. После множества манёвров и действия подводных течений накопились серьёзные ошибки в определении местоположения и курса корабля. В ближайшие двое-трое суток всплытие будет категорически нежелательно. Но даже спустя определённое время, найдя безопасные условия и всплыв, экипаж рисковал не найти ориентиры, а со спутниковой навигацией, похоже, надолго покончено. Экипаж подводной лодки оказался в тех условиях, какие были во времена галерных флотов.

На борту оставалось мало оружия: две универсальные торпеды и восемь противолодочных снарядов ракетно-торпедного комплекса «Ветер». Такой набор предполагал тактику засады. Но без помощи, без целеуказания со стороны устроить в океане засаду на подводную лодку противника очень сложно. Больше шансов самим попасть во вражеские ловушки.

Из средств защиты – один самоходный аппарат гидроакустического противодействия. Это чуть больше, чем ничего. Есть ещё несколько малогабаритных «шумелок». В одном из торпедных аппаратов до сих пор находился разведывательный робот для выполнения спецзадания, но вряд ли его стоило принимать в расчёт. Между тем, подлодке только предстоит выходить из зоны, в которой, без сомнения, её будет искать атакованная группировка.

Две ядерных ракеты были на борту. Их могло не быть вовсе: на протяжении многих лет флот, исполняя обоюдные государственные обязательства по договору с Соединёнными Штатами, не комплектовал арсеналы многоцелевых лодок ядерными боеприпасами. Но в последнее время Штаты со своими поделниками настолько подняли напряжение в отношениях с Россией, что на высшем уровне было решено тайно вооружать многоцелевые подводные лодки (несущие очередное дежурство и выполняющие специальные задания) двумя единицами атом-

ного оружия. Именно вследствие этого решения «Кот» сейчас мог причинить врагу такой урон, какой не смог бы причинить весь Тихоокеанский флот Российской Федерации обычным оружием. Вот только доставить бы эти крылатые ракеты с ядерными зарядами до места назначения. Задача невообразимо сложная в складывающихся обстоятельствах. Но будем надеяться и верить в наших подводников, в наш морской флот.

Часть вторая

Приходящий на помощь

Ильяс²⁰ Рахматуллин возвращался в Новосибирск. Неделю он провёл у родителей в селе Кирби Лаишевского района – помогал отцу с починкой кровли. В том же селе жили две его сестры. Потом пару дней гостил у брата в Казани. Из Казани он и выехал позавчера. Дома, в Новосибирске, Ильяса ждала семья – жена Айнура, семилетний сын Ильгис, пятилетняя дочурка Гулечка.

Предрассветные сумерки почти рассеялись, но солнце ещё не выглянуло из-за горизонта. У деревни Севастьяновка, Ильяс сбавил скорость и свернул на бензоколонку «Актин». Рядом – гостиница, кафе, магазин, стоянка. Он часто заворачивал сюда, проезжая мимо, чтобы заправить машину, купить какое-то питьё или просто передохнуть. В этот раз ему нужно было ещё и подзарядить мобильник. Проблема с батареей обнаружилась несколько дней назад. Он думал отдать его в починку после возвращения из поездки. Пару часов назад гаджет выключился, перед этим известив о полном разряде.

Ильяс, договорившись с кассиршей «Актина», отдал ей мобильник и зарядное устройство. Потом заправил бак и припарковал машину у ограды автостоянки. Он хотел немного покемарить, поэтому разложил сидение и отодвинул его. А минут через пять уже дремал.

Сколько времени спустя очнулся – трудно сказать. Прошло минут десять или, может быть, двадцать. Снаружи донёсся шум, Рахматуллин открыл дверцу и вышел из машины.

Со стороны деревни – она находилась по ту сторону трассы – доносился вой сирены. Вокруг никого. Ильяс поспешил за своим телефоном, но на бензоколонке не было ни продавщицы, ни охранника. Сирена в деревне не умолкала. Уже предчувствуя дурные известия, он направился к кемпингу.

В кафе собралось человек десять, продавщица и охранник были среди них. Все стояли возле прилавка с совершенно растерянным видом, бросали взгляды в телевизор и что-то обсуждали. Ильяс подошёл к ним – и обомлел. На экране пульсировала надпись: «Воздушная тревога!». Изображение сопровождалось прерывистым однотонным сигналом.

Телефоны у людей то и дело звонили либо извещали о принятом сообщении, некоторые пытались сами дозвониться. На Ильяса никто не обратил внимания.

– Может быть, это кино? Такое уже было...

– Да, англичане так же вот какое-то шоу своё начинали. Типа, русские на прибалтов напали, и всё такое.

– Да ну, вы что? Какое на фиг кино?! На всех каналах один фильм?

– Не могу дозвониться до Светки...

– И в телефоне у вас кино?

– Что стоим тут? Надо прятаться. Есть тут у вас убежище?.. Подвал?

– Нам-то чего бояться? Они города будут бомбить.

– Да, это не шутки!

– Мне кажется, это учебная тревога. Большие учения.

²⁰ Ильяс – в еврейской традиции одна из трактовок звучит как «приходящий на помощь», в мусульманской традиции – «могущество Аллаха».

Ильясу тоже хотелось бы думать, что это учения. Серьёзные такие учения для всей страны. Но нет. Рассудок подсказывал – это страх не позволяет принять бесповоротный и ужасающий факт войны. Каждый в эти мгновения пытался продлить мирное время... хотя бы в своей внутренней реальности.

Он подошёл к кассирше с бензоколонки и попросил вернуть мобильник. Но та боялась идти на станцию.

– Вы что? Там бензин! А вдруг сейчас всё взорвётся?! Я не пойду туда! – восклицала она.

Помочь вызвался охранник. Он направился к выходу.

– Пойдём, я отдам тебе твой телефон. Мне закрыть всё надо.

Ильяс последовал за ним. Со стороны стоянки, от дороги и со второго этажа кемпинга доносились нервные выкрики и слова: «война», «тревога», «убежище», «ударная волна», «радиация». Люди, разбуженные мобильным оповещением, выходили на улицу.

Получив обратно гаджет, Ильяс сразу включил его и пошёл к своему автомобилю. Рядом с его машиной стояла другая, а перед ней – трое мужчин. Они, понизив голос, спорили между собой. Как понял Ильяс из нескольких исподволь услышанных фраз, эти люди ехали из Новосибирска, а теперь решали: продолжать путь дальше или возвращаться?

Начало атаки Рахматуллин не увидел – он был в машине. Метрах в двух слева от него остановился выезжающий с парковки грузовик: его двигатель работал весьма громко и прямо напротив «форда». С другой стороны стояла легковушка и железная бытовка кассы. Впереди парковка, и несколько большегрузов на ней, а позади – бензоколонка. В общем, обзор у Ильяса был ограниченный. Кроме того, едва он запустил мотор, как мобильник подал сигнал о принятом сообщении, а через несколько секунд зазвучала мелодия вызова.

Он подумал, что звонит жена. С нетерпением достал из кармана мобильник, но...

В это время и началась череда ядерных взрывов. Их произошло не менее дюжины – воздушных и наземных – далеко на горизонте. Наземные взрывы видны не были, а вот вспышки воздушных (как представлялось, на высотах порядка двух – трёх километров) от бензоколонки «Актин» можно было наблюдать. Поднялся крик, кто-то бросился сломя голову в здание мотеля, ещё кто-то сел в машину и рванул по трассе в сторону Омска...

Ильяс криков не слышал, визг тормозов тоже: всё его внимание поглотил вызов по телефону. Некоторое изменение освещения, а оно было довольно заметным, он бессознательно принял за свет автомобильных фар. Поднеся телефон к уху, услышал: «Внимание всем! Воздушная тревога! Воздушная тревога! Радиационная опасность! Радиационная опасность! Примите меры защиты».

Слышимость была плохой – раздавался треск, голос диктора временами пропадал и как бы «плавал» (растягивался, отдавался эхом). Сообщение повторилось два раза, после чего соединение было разорвано. Через несколько секунд пришла эсмэска с инструкцией по радиационной безопасности.

Рахматуллин попробовал дозвониться до супруги, но на дисплее высветилось сообщение: «Ошибка соединения». Решил позвонить отцу – тот поднялся ещё до рассвета, Ильяс знал наверняка, – но опять высветилось сообщение об ошибке. Тогда он положил мобильник на пассажирское сидение и включил заднюю передачу, чтобы выехать...

Суету он заметил сразу, ещё в зеркале заднего обзора, но не придавал ей особого значения: эта суета началась ведь не только что, причины её были очевидны для Ильяса. Он медленно и осторожно развернул автомобиль. Справа – строения мотеля, слева – рассветный восток, и туда в эти мгновения было устремлено множество взглядов. Ильясу обзор загораживали бензоколонка и грузовая «газель», вставшая у крайнего заправочного аппарата. Однако, проезжая мимо, он повернул голову налево – и через пространство автозаправки увидел нечто, заставившее его немедленно остановить машину. Это были чёрные облака, поднимающиеся из-за вершин ближайших перелесков и невероятно сильные всполохи на фоне рассветного неба.

Самая «светомузыка» уже закончилась: он видел остаточное сияние, догорание раскалённого вещества. Судя по направлению, взрывы происходили на стартовых позициях и местах дислокации Новосибирской дивизии РВСН, то есть в районе Пашино и восточнее. Взрывов слышно не было, земля не содрогалась.

Рахматуллин остановил машину и едва вышел из неё, как горизонт в той стороне, где небо багровело зарёй, осветился так ярко, что заря поблёкла. Словно там одновременно вспыхнули тысячи прожекторов направленных вверх. Ослепительная оранжевая звезда вспыхнула низко-низко: чуть ниже она была бы заслонена вершинами деревьев, находящихся примерно в полукилометре от автозаправочной станции. Звезда разгоралась мгновения – нестерпимый блеск продержался секунд пять. Затем свечение стало слабеть, и рассветное сияние вновь окрасило небосклон в розово-алые тона. Но свет далёкой вспышки не исчез совсем – он сжался до небольшого зарева, а сама отгоревшая звезда превратилась в красный овал, зависший в приземном мареве. Через несколько секунд овал совсем исчез, окутавшись чёрным облаком, которое подпиралось снизу толстым столбом такого же чёрного дыма. Медленно, почти незаметно рос на горизонте страшный гриб, в полном безмолвии затихшей природы.

Взрыв, который наблюдал Ильяс, произошёл явно ближе остальных и несколько южнее. На таком расстоянии, конечно, невозможно было определить точно, где случилась катастрофа, но если предположить, что череда первых ударов была нанесена по позиционному району, то теперь цель была в пределах города.

Рахматуллин некоторое время смотрел, как поднимается далёкая чёрная туча, и собрался уже сесть в машину... но восток вновь озарился нестерпимо ярким оранжевым сиянием! Ильяс зажмурился, прикрылся рукой, словно от дальнего света фар, включённых в паре метров от лица. И опять повторилась картина с быстро разгорающейся и медленно угасающей звездой, на месте которой возникло тёмное облако.

В этот раз ядерный исполин вырос ещё южнее, он был явно светлее предыдущих и отстоял чуть в стороне от остальной группы атомных «протуберанцев». Относительно наблюдателей на бензоколонке все они находились по другую сторону трассы и немного севернее того места, где вскоре взойдёт солнце.

Со стороны мотеля слышались возгласы. С мансарды кто-то указывал вдаль – несколько в южном направлении, туда, где над перелесками возвышалась ретрансляционная башня. Оказывается, с высоты нескольких метров было видно, как правее этой башни происходят множественные ядерные взрывы. Они были далеко, скорее всего, в районе Барнаула: там тоже имелся позиционный район РВСН. С высоты человеческого роста увидеть их было невозможно, но свечение на небосклоне наблюдалось.

В то время, когда некоторыми людьми овладела паника (раздавались крики и стенания, от заправки донёсся душераздирающий женский вой), другие – проявляли сумасбродство и цинизм. Они снимали на мобильники далёкие ядерные взрывы: дальнобойщик – из кабины, постояльцы или работники – из окон мотеля, проезжие – с площадки у бензоколонки... на обочине трассы компания молодых людей обменивались матерными репликами и тоже снимали своё «кино».

«Скоты», – мысленно, а может быть, и вслух произнёс Ильяс. Ему было горестно наблюдать такую картину. Огромный город в эти секунды пожирался атомным пламенем, люди гибли тысячами, мир летел в преисподнюю... а подонки тешили своё тщеславие. Они полагали, что этими трагическими кадрами позже (залив их в соцсети) смогут привлечь внимание и собрать «лайки» таких же мелких душонок, как они сами.

Рахматуллин сел за руль, выехал на дорогу и направил машину в сторону Новосибирска. Сейчас он находился в таком состоянии, что не задумывался о смертельной опасности, которая могла ему грозить: все мысли были заняты судьбой семьи.

Когда автомобиль набрал скорость, Ильяс снова попробовал дозвониться до супруги. И опять высветилось сообщение об ошибке сети. Включил радио. На коротких волнах раздавался только шум, иногда перекрываемый треском. На средних волнах стоял непрерывный треск и сопровождался он подвыванием на низких частотах. На длинных – приёмнику удалось найти три рабочих канала, но на них передавался лишь какой гудок, который искажался и через несколько секунд тонул в шуме. Приёмник, теряя волну, начинал автоматический поиск. Ильяс не помнил, как отключается эта функция. Он остановил машину, достал из бардачка инструкцию к стереосистеме и через минуту нашёл нужный параграф. Потом вручную настроился на волну радиостанции «Маяк».

На «Маяке» мужской голос дважды повторял сообщение: «Внимание всем! Воздушная тревога!» – после этого, женский голос зачитывал инструкцию. Рекомендовалось немедленно укрыться в подвале, цокольном помещении или в бомбоубежище. Звучали слова: «Возьмите с собой личные документы, средства индивидуальной защиты, запас воды и продовольствия. Примите меры по защите пищевых продуктов и воды от возможного заражения. Перед уходом отключите нагревательные приборы, электричество, перекройте газ и воду. Плотнo закройте окна и форточки, вентиляционные отверстия». Помехи то полностью заглушали голос диктора, то искажали его. «Если вы находитесь на открытом пространстве, примите меры защиты от поражающих факторов атомного взрыва: светового излучения, ударной воздушной волны и радиации...» Треск и вой, какие-то непонятные звуки. «Если вы совершаете поездку на личном транспортном средстве, немедленно остановитесь...»

Ильяс не внял последнему совету: он повернул руль влево, выехал на дорогу и быстро разогнался. Радио продолжало работать, «Маяк» без конца прокручивал инструкции в автоматическом режиме.

Ильяс связывался с супругой, но его вызовы всякий раз обрывались. Пытался он дозвониться и до родителей, и до брата, и до сестёр – увы, мобильник сигнализировал отбой и высвечивал сообщение: «Ошибка сети».

Рахматуллина покинула решительность. Его внимание совершенно отвлеклось от дороги, в руках была слабость, грудь сдавливали спазмы, как при рыдании. Он остановил машину и выскочил из неё, даже не закрыв дверь. Пробежал с десятков метров вперёд и остановился. Несколько секунд смотрел вдаль, где восходящее солнце красной каймой обрисовывало чёрные силуэты смертоносных туч. Потом вернулся, облокотился на кабину и обхватил голову ладонями. В сторону Омска проехала фура. Её водитель дважды просигналил, моргнул «дальним» и что-то прокричал в открытое окно: Ильяс различил лишь слово «война».

Что же делать? В городе огонь и радиация, каждый вдох чреват смертельной опасностью для человека... да что там для человека – для всего живого! Одежда, волосы, кожа – всё моментально впитывает распадающееся вещество, превращая живые организмы в такую же распадающуюся субстанцию. Можно ли там спасти кого-нибудь? Надо ли рисковать своей жизнью ради тех, кто в ближайшие часы превратится в радиоактивное мясо?

На мгновение в памяти всплыла история, поразившая его в детстве. Эпизод из жизни Чингсхана – он бросил свою молодую жену Бёрте на поругание врагу... бросил, чтобы спасти собственную жизнь. Ах, судьба! А что в Казани? Что с родителями? Он поедет туда... и что им скажет? А найдёт ли он их живыми и здоровыми? Нет, там брат и сёстры. А потом? Когда-нибудь потом, как он объяснит им, что вот так остановился, не доехав до города... и повернул обратно?!

Ильяс отошёл от автомобиля, встал лицом к востоку. Постоял так со сжатыми кулаками, потом опустился на колени и поднёс ладони к лицу. Он молился. Произносил дуа²¹. Совсем не религиозный в повседневной жизни Рахматуллин в этот момент искал помощи у Всевышнего.

Минуты две он молился. Затем поднялся на ноги, машинально стряхнул с брюк пыль и травинки.

Самообладание возвращалось к Ильясу. Он едет в сторону взметнувшихся к небу дымов, но тех, к кому он спешил, возможно, уже нет в живых. Там ад. Он и сам сгинет в этом аду. Но он мужчина. Он должен дойти до конца, и если суждено ему сгинуть – сгинет. По крайней мере, его совесть будет чиста. Лучше погибнуть, чем до конца жизни носить в душе клеймо труса. Но нет! Не может быть, чтобы они погибли – жена и дети! Ведь была объявлена тревога, хотя и поздно. А в городе есть убежища, и метро недалеко от их дома. Надо спешить к ним!

Он сел в машину и продолжил путь. Почти все встречные автомобили сигналили и мигали дальним светом. Попадались транспорт, оставленный на обочине: видимо, люди выполняли рекомендации МЧС и покидали свои авто, чтобы найти более-менее безопасную лёжку. Но вообще, в этот ранний час автомобилей было мало.

У перекрёстка напротив посёлка Лесная Поляна Рахматуллин увидел десятка два фур, стоявших у обочины в направлении Омска, а перед ними – машину автоинспекции. Вторая машина ДПС находилась у середины колонны, где собралось полтора десятка водителей и четверо полицейских: между ними, кажется, шёл спор. Ещё один автомобиль ДПС стояла метрах в ста от конца колонны, её экипаж останавливал грузовики, после чего одних отпускал, другим предлагал встать на обочине.

«Маяк» всё так же передавал предупреждение о воздушном нападении и инструкции МЧС. Как показалось Рахматуллину, помехи усилились. В конце концов, помехи и бесконечное повторение одних и тех же фраз стали раздражать Ильяса, и он выключил приёмник. Позвонить по телефону родным по-прежнему не удавалось.

У деревни Белобородово стояла «пятнашка»²² ДПС. Полицейские, вооружённые автоматами, выбирая по каким-то признакам машины из потока, останавливали некоторые, проверяли документы водителей. Ильяс на своём «форде» проехал мимо них беспрепятственно.

Примерно в тридцати пяти вёрстах от Новосибирска, на подъезде к Коченёво, он упёрся в автомобильный затор. Здесь трасса «Иртыш» имела ответвление. Раньше дорога проходила по краю посёлка, теперь это полотно превратилось в дополнительное (оно вело в населённый пункт), а немного севернее был проложен расширенный объезд, ставший частью магистрального пути. На объезд Рахматуллина не пустили: перед ним был пикет, и около двух десятков уполномоченных (составлявших пары инспектор ДПС—солдат ВАИ) останавливали всех без исключения. У Ильяса спросили, в какой населённый пункт он направляется, не является ли сотрудником специальных служб, действующим офицером армии или полиции? Получив ответы, они предложили оставить машину где-то поблизости, после чего решать вопрос дальнейшего продвижения в комендатуре.

Рахматуллин свернул на старую дорогу. Но далеко проехать не получилось. Он только миновал дамбу возле турбазы «У озера», потом поворот на Кумысный... и всё – дальше, насколько можно было обозреть, стояли машины, ходили люди. Слева – вспаханное поле, справа, шагах в ста от дороги, – несколько кирпичных строений полузаброшенного вида и полдюжины сельскохозяйственных агрегатов. В обратную сторону движение было свободным. Многие сгоняли свои машины на обочину и дальше шли пешком.

²¹ Дуа – мольба, молитва; в отличие от обязательной молитвы (намаза) произносится на любом языке, любыми словами и не сопровождается ритуальными действиями.

²² Пятнашка – автомобиль ВАЗ-2115 (LADA Samara)

Впереди от трассы отходила просёлочная дорога, ещё дальше – другая. Вдоль них уже начали скапливаться оставленные хозяевами автомобили. Ильяс тоже вырулил свой «форд» на обочину, проехал вперёд и повернул на второй просёлок. Отъехав от трассы метров на сто пятьдесят, свернул за заросли справа и выключил мотор.

На заднем сидении была сумка: он выложил из неё одежду и бельё, свёрток с пирогом (подарок бабушки Гасили для внуков), ещё какие-то гостинцы. Оставил в сумке полотенце, зубную пасту со щёткой, кепку, солнцезащитные очки. Надел ветровку, лежавшую на заднем сидении рядом с остальными вещами, – в ней были документы и деньги, после этого закрыл машину и с сумкой в руке пошёл к трассе.

Перед ним оставила свой автомобиль русская пожилая пара; эти двое подождали, пока мимо проедет машина и пройдёт Ильяс, а потом медленно побрели следом. Глаза женщины были полны слёз. Она то и дело подносила к лицу платочек, а на Рахматуллина взглянула с такой мольбой и тоской, что у него ком в горле встал. Но чем он мог помочь женщине и её спутнику? Возможно, сейчас в таком же душевном состоянии находилась его семья.

Два ближайших грибообразных облака с этого расстояния выглядели внушительно и зловеще. Солнце было выше, но, казалось, ещё немного – и они закроют светило. Воздушные течения отнесли в сторону их верхние массивные части. Зрелище напомнило Ильясу рисунки из читанной когда-то детской книги о волшебной лампе: высвобождающийся из лампы джин с дымным телом выглядел примерно так же, как эти дымопылевые остатки термоядерных взрывов. Облако справа было светлым, почти сизовато-белёсым, левое – в основном тёмно-серым. Вслед за ними всё выше над горизонтом поднимались тёмные тучи, сгущавшиеся к середине до плотной черноты – вероятно, дымы наземных пожаров.

Севернее и, видимо, на много километров дальше, клубилось не меньше десятка коричнево-серых облаков. Самые дальние из них были едва заметны в помутневшем приземном слое воздуха. Ильяс, как, наверное, и многие, надеялся, что это последствия взрывов в позиционном районе дивизии РВСН, что находился к востоку от города, потому что если эти «протуберанцы» взметнулись над городом, то в его кварталах вряд ли осталось что-то живое.

Люди всматривались в грозные исполинские столбы радиоактивного пепла и пыли. Женщины смотрели сквозь слёзы, мужчины – с тревогой, то и дело переводя взгляд на лица других людей, словно хотели увидеть в них признаки уверенности и участия.

Ильяс вышел на трассу. Одна из легковых машин – она ехала от города – приостановилась, и водитель стал отвечать на вопросы собирающихся возле него людей. Ильяс поспешил к нему. Через две минуты он уже знал, что затор тянется километра три, до речки Камышенки: там военные перекрыли дорогу и сооружают блокпост. У поста или в посёлке можно получить респиратор, противогаз и антирадиационные препараты. В сторону Новосибирска пропускают грузовики для вывоза людей, водителям дают сопровождающего – полицейского, спасателя или военного – и они едут вместе. Пока есть движение только в ту сторону, а оттуда ещё ни одной отосланной машины не возвратилось. Известно, что ядерный взрыв произошёл в районе ГЭС: плотина не разрушена, но пожар охватил дачные и коттеджные посёлки поблизости, станция прекратила подачу электроэнергии. Ещё один взрыв произошёл на ТЭЦ²³-5, остальные – в позиционном районе ракетной дивизии. Военные говорят, что боеголовок было много, до полусотни, но большинство удалось сбить.

А ещё ходят разговоры, что с минуты на минуту может начаться новый налёт, могут ударить и по Коченёву, потому что тут полк связи ракетной дивизии, нефтеперерабатывающий завод, спасательный центр МЧС, а по другую сторону трассы, недалеко – станция космической связи. Ильяс почувствовал, как при этих словах по спине пробежал холодок, он инстинктивно

²³ ТЭЦ – станция, генерирующая электрическую и тепловую энергию.

поднял взгляд к небу. Раздался сдерживаемый женский вскрик. Оттеснив нескольких человек, к водителю подошёл парень с короткой стрижкой и в спортивной куртке.

– Ты что панику разводишь? – сказал он, подойдя вплотную. – Вали отсюда, пока я тебя не отправил сам знаешь куда. Быстро!

Последнее слово он произнёс негромко, но с явной угрозой. Водитель поспешил скрыться, а парень, отворачиваясь от него ухмыльнулся:

– Панику разводит, козёл. Народ и так на взводе. Да таких спасцентров и заводов по области знаете сколько? Будут они тратить свои ракеты на всякую деревню...

Ильяс направился в сторону блокпоста. В том же направлении шли или пытались ехать на машинах многие и многие десятки людей – в одиночку, семьями, компаниями, объединившись со случайными попутчиками. Он машинально достал телефон, чтобы в очередной раз набрать номер супруги, но мобильная связь отсутствовала полностью, о чём свидетельствовала надпись на дисплее: «Нет сети». «Наверное, из-за того, что город без электричества, электростанцию взорвали», – подумал Ильяс.

Он с семьёй жил возле станции метро «Гагаринская», в квартале называемом «Линейный». Позиционный район ракетной дивизии находился к северо-востоку от города, вёрстах в двадцати. Новосибирская ГЭС была за южной окраиной, примерно на таком же расстоянии. А вот пятая ТЭЦ располагалась в пределах города, и даже недалеко от их дома, навскидку – вёрстах в десяти-пятнадцати: её трубы и выпускаемый ими пар были хорошо видны из окон квартиры.

Рахматуллин спешил. Затор становился всё плотнее из-за тех, кто ехал по обочине и выезжал на встречку – то и дело по этой причине возникали перепалки, звучала ругань, перекрываемая автомобильными сигналами. Где-то в середине затора Ильяс увидел военных. Два БТР и машина ДПС ехали по стороне дороги, ведущей в Омск. Через мегафон инспектор требовал освободить полосу для встречного транспорта и спецмашин. Следом двигался «уазик», сохраняя дистанцию от бронированных машин метров в тридцать. Офицер через громкоговорители на крыше салона вещал: «Граждане! Запасайтесь водой! Заполняйте все доступные ёмкости водой для питья, готовки и гигиенических нужд. Воду можно набрать дальше в реке, но мы рекомендуем вам возвратиться и наполнить имеющиеся ёмкости в водохранилище – в нескольких сотнях метрах отсюда по направлению к Омску. Радиоактивные облака от эпицентров сейчас относятся ветром на юго-восток, но ветер может поменяться. Не медлите! Граждане! Запасайтесь водой...»

Наконец Ильяс добрался до речки, где военные сооружали пост. Дорога была перекрыта наполовину бетонными блоками, здесь же находился подъёмный кран и грузовик с блоками в кузове. Одна половина дороги была отделена от другой металлическим сеточным забором. Были уже установлены три палатки и устанавливалась четвёртая. Поперёк направлению трассы по обе стороны от проезжей части солдаты в ОЗК натягивали колючую проволоку.

Офицер в капитанском звании беспрестанно повторял в громкоговоритель, установленный на командно-штабную машину: «Граждане, проезд и пеший проход в сторону Новосибирска осуществляется только по специальным пропускам. Медицинские работники, военнослужащие, сотрудники МВД, МЧС и ФСБ могут получить пропуск непосредственно тут, на территории контрольно-пропускного пункта – в случае предоставления необходимых документов. Остальным категориям граждан обращаться в Коченёвскую комендатуру, к заместителю коменданта подполковнику Гришуку. Адрес комендатуры вам укажут на Коченёвском

КПП²⁴. Всем военнообязанным немедленно направляться к комендатуре; при себе иметь военный билет и паспорт. Въезд в Коченёво на личном транспорте разрешён только для постоянно проживающих в этом посёлке». Потом, выдержав минутную паузу, он начинал зачитывать это объявление заново. Вокруг бронемшины с офицером собралась довольно значительная толпа: люди в ней постоянно сменялись, одни подходили, другие уходили. Несколько солдат, стоявших перед офицером, громко объясняли людям, куда следует пройти, указывали адреса. Чаще прочих звучал вопрос: «Как пройти в комендатуру?»

Поодаль, возле двух грузовиков, стояли армейский капитан и старший лейтенант МЧС. В грузовиках – коробки с противогазами, респираторами и аптечками. Дальше – фургон «газель», с общезащитными комплектами изолирующего типа и дозиметрами: их выдавали водителям, отправляющимся в сторону Новосибирска. Рядом стояла «буханка», загруженная химпрепаратами обеззараживания. На её крыше было установлено большое табло, которое Ильяс видел ещё с того места, где съехал на машине с трассы. На табло выводилась информация о радиационном фоне в данном месте, и сейчас он составлял 0,18 микрозивертов в час. Надпись в виде бегущей строки гласила: «Сохраняйте спокойствие. Радиационный фон в пределах нормы – 18 мкР/ч».

Свободно пропускали только пешеходов, и Рахматуллин прошёл пост без задержки. Пришлось лишь немного потолкаться в людском потоке, проходя по узкому коридору между стоявшими в очереди машинами и ограждением моста через Камышенку. В этом месте десятки людей выскакивали из толпы и спускались к речке, чтобы набрать воды в бутылку или попить с рук. Русло речки было совсем узким, не более трёх метров, а берега рыхлые и поросшие кустами. Вода замутилась, на её поверхности плавали листья и трава.

Перейдя на другую сторону, Ильяс подошёл к машине с противогазами и спросил:

– Капитан, противогаз получить можно?

– Военнообязанный?

– Да.

– Тогда немедленно отправляйтесь к комендатуре. Там получите всё необходимое, – был ответ военного.

– Вопросов больше не имею, – пробормотал Ильяс, делая шаг назад, и направился вдоль трассы к повороту на Коченёво (до него было метров четырёхста).

Ещё с того момента, когда он оставил свою машину, Рахматуллин приглядывался к людям, пытаясь найти татар. На посту он заметил одного мужчину лет тридцати семи – сорока, который, судя по внешности, мог быть его соплеменником. Сейчас он шёл чуть впереди. Ильяс догнал его и, застенчиво улыбаясь, спросил на татарском языке:

– Извини, брат. Ты татарин?

Тот взглянул на Рахматуллина и ответил по-русски:

– Нет. Я башкир.

Ильяс извинился, замедлили шаг.

Спустя несколько минут он дошёл до Т-образного Коченёвского перекрёстка. Его внимание привлекла медленнодвигающаяся фура с надписью «Магнит» – она ехала со стороны Новосибирска. Когда грузовик почти поравнялся с Ильясом, он крикнул водителю, выглядывавшему в открытое окно:

– Что там в городе? Ты оттуда?

– Там ... (безнадёжно плохо), – отвечал водила, тормозя машину и высовываясь из окна. Видно, ему хотелось поделиться впечатлениями.

²⁴ КПП – контрольно-пропускной пункт.

– Ты на той стороне был?²⁵ Ты вообще где был, когда ... (рвануло)? – спрашивал Ильяс, подходя к грузовику. Сразу же стали подходить и другие люди.

– Я на этой стороне уже ехал. Перед Толмачёво, километра за два. А тут как ... (ахнуло)! У меня прицеп чуть не перевернуло. Не, сначала светло стало... я подумал, что солнце из-за туч вышло, только очень светло, тени такие сразу длинные появились. Я еду, смотрю – мне навстречу сигналият и дальним моргают. И ещё вижу – все останавливаются и народ из машин кидается кто куда. Зеркала мои светят как прожекторы. Стал тормозить. Только спрыгнул на землю, тут ка-ак ... (долбанёт)! Звук пошёл, как будто поезд на тебя сейчас наедет, а потом ка-ак ... (ухнет)! Земля подпрыгнула, грохот стоит, всё гудит, у меня прицеп качает! Там бабы какие-то как завизжат! Да я сам в Чечне воевал, а тут...

Рассказ водителя прервал окрик инспекторов ДПС, чей автомобиль стоял за перекрёстком: «Водитель „Магнита“, не блокируйте движение! Быстро проезжайте!»

– А в городе, в городе что? – допытывался в отчаянии Рахматуллин.

– Не знаю. Сам не видел, но народ говорит, ... (плохо) там. Где-то ближе к центру ... (долбануло). Я-то сам из Прокудского. Да вон, вояки народ уже начали пропускать, может, там то-то в курсе?

Водитель нажал на газ, и машина, качнувшись, тронулась с места. Рахматуллин поглядел в ту сторону, где в сизой дымке тонул город, а к небу возносились громадные дымные столбы. По подъездной дороге к Коченёво действительно двигались машины, и не только грузовые, как ранее, но теперь даже большей частью легковые автомобили. «Зачем вообще они тормозят легковушки?» – с недоумением подумал он и пошёл в сторону посёлка. Не было смысла ждать беженцев из Новосибирска: вряд ли те, кто находился в момент атаки в городе, успели доехать сюда. Скорее всего, это те люди, которые были в пути по эту сторону Оби, может быть, с городских окраин или пригородных посёлков. Что они могут рассказать об обстановке в центре города? Ничего.

На выезде из посёлка, метрах в пятидесяти от трассы, также имелся контрольно-пропускной пункт, на нём несколько солдат и один офицер – все одеты в ОЗК-Ф²⁶, на ремнях противогазы. Они проверяли только гражданские автомобили, выезжающие из посёлка. Какие требования у военных Ильяс не знал, но видел, что некоторых разворачивали, и офицер на уговоры и требования этих людей отвечал жёстко.

Здесь также имелось табло с данными об уровне радиационного фона. Рядом стоял солдат и устало повторял: «Комендатура прямо, до следующего регулировщика. Он покажет дорогу дальше». На солдате была каска с белой полосой, а в руке – красный флажок. Его автомат, плотно прижатый к груди натянутым через плечо ремнём, был без магазина. Ильяс молча прошёл мимо.

Рахматуллин был военнообязанным. Срочную службу проходил двенадцать лет назад и являлся старшим сержантом запаса, разведчиком-стрелком. Всегда считал: если понадобится, то без раздумий пойдёт в армию защищать Родину. Только идти в комендатуру сейчас, когда в горящем городе живыми – возможно, ранеными – оставались его жена и дети, а до самого города тридцать с чем-то вёрст, ему не хотелось. Судьба семьи сейчас волновала его больше, чем судьба всего мира и его личная. Поэтому он всё время высматривал кого-нибудь, с кем можно было бы сговориться и попробовать проникнуть в город в обход блокпостов. Получить средства защиты – и рвануть в город. Ведь военные успели поставить блокпосты только на трассе, вблизи мест дислокации – в этом Ильяс был уверен. По сути, Ильяс был готов сговориться с кем угодно, но всё же отдал бы предпочтение кому-то из своих – из татар. И он глядел по сторонам, ища родные черты, надеясь услышать родную речь.

²⁵ Имеется в виду другой берег реки Обь, Новосибирск разделён ею на две части. Ильяс живёт на той стороне.

²⁶ ОЗК-Ф – общевойсковой защитный комплект одежды фильтрующего типа.

Вот он увидел двух женщин: похоже, татарки. Они шли от Т-образного перекрёстка и несли в руках несколько бутылок воды. Подойти? Может, с ними мужчины? Он прошёл метров двести, не выпуская их из виду. Видимо, мужчин с ними нет. Им можно было бы предложить свою помощь, но тогда это отвлекло бы его от главной цели – добраться в город.

Улица, по которой он шёл, была названа в честь Пушкина. Обычная деревенская, на которой две легковушки с трудом разъезжаются, а пешеходам приходится сходить с проезжей части, чтобы пропустить автомобиль. По обе стороны вдоль заборов жёлтые трубы газопроводной сети. Там, где они пересекали улицу своеобразной аркой в виде буквы «П», грузовики ехали очень медленно, потому что их кабины или кузова иной раз лишь пять-шесть сантиметров не доставали до трубы. Тут чаще ехали гражданские автомобили. По левую руку от Ильаса, за домами и огородами, была видна другая улица, параллельная. В сторону трассы по ней то и дело проезжали военные грузовики, машины МЧС, иногда были видны колонны солдат в десять-пятнадцать человек.

Рахматуллин дошёл до места, где улица Пушкина пересекалась с улицей Энтузиастов. Здесь стоял ещё один солдат с флажком. Без всякого энтузиазма, делая долгие паузы, он повторял: «До комендатуры прямо, до следующего регулировщика». В нескольких шагах от него стоял автомобиль «Киа». Водительская дверь открылась, и из машины вышел молодой мужчина лет тридцати. «Татарин», – предположил Ильяс, приметив во внешности мужчины искомые черты. А к незнакомцу в это время подходил ещё один мужчина, моложе первого лет на пять, и с ним беременная женщина.

Ильяс направился к ним. Подойдя, поздоровался по-татарски, дождался ответного приветствия. Теперь сомнений не было: татары. Они заговорили на родном языке, стали знакомиться. Молодого мужчину, которого Ильяс увидел первым, звали Дамиром, и он тоже ехал в Новосибирск. С ним были сестра и свояк – Алина и Улан, они возвращались из Елабуги, оттуда родом был Улан. Оказывается, эти люди заехали в Коченёво той дорогой, что отходила от трассы ещё до поста. Возможно, это была та самая грунтовка, на которой Рахматуллин оставил свою машину. Узнав, что в направлении Новосибирска не пропускают, они решили окольным путём доехать до аэропорта Толмачёво, надеясь отправить оттуда Алину в Казань. Однако на выезде из Коченёво военные их завернули, да и сами они засомневались, что из аэропорта теперь можно улететь, даже беременной женщине. Несколько минут назад родственники решили разделиться: Дамир собирался попасть в Новосибирск, где у него оставались родные, а Улан должен был везти беременную супругу в Елабугу к родителям. Сейчас они намеревались найти попутную машину или автобус до Казани. Дамир хотел оставить машину при себе – на случай, если придётся вывозить родственников из горящего города.

Быстро рассудив, Ильяс предложил Улану взять свой «форд». Он подумал, что ему, возможно, и не удастся использовать свою машину в ближайшее время. Эвакуировать семью (иншалла!) можно с Дамиром, а самому пока задержаться в городе, если в его машине места окажется недостаточно. Наверняка из города можно будет выехать с семьёй и на транспорте военных или МЧС – они ведь обязательно займутся эвакуацией людей. Может быть, так даже больше шансов сохранить машину. Улан водительские права имел – он сразу согласился с предложением Ильаса. Ильяс написал доверенность, а также на диктофоны в мобильных зачитал текст доверенности и добавил от себя, что передаёт машину добровольно, чтобы новые её хозяева благополучно добрались до Елабуги, и назвал адрес родителей.

Потом все вместе на автомобиле Дамира поехали туда, где Ильяс оставил свой «форд». Они ехали, разговаривали, и Ильяс всё больше убеждался, что он правильно решил отдать свою машину этим людям. Если его сейчас поставят под ружьё, а такое очень даже может быть, то сохранится ли машина тут, в чистом поле? Ехать на ней – тоже обременительное занятие, так как военные требуют пропуск в этом случае. Хотя, к чему такие строгости? Почему передвигаться на личном автомобиле нельзя, а пешком – пожалуйста?

Найти машину было непросто – пришлось воспользоваться навигатором. Он, кстати, координаты не определял: наверное, GPS был отключён так же, как и мобильная связь. Автомобилей на просёлке скопилось уже довольно много, на трассе затор тоже заметно увеличился. Рахматуллин забрал некоторые свои вещи, затолкал их в сумку и передал ключ Улану. Родственники переложили свою поклажу в «форд», Улан сел за руль, а его супруга – на заднее сидение. На листе бумаги Ильяс записал для Улана адреса брата и родителей.

Они уехали.

– Ну что, хочешь в город пробираться? – спросил Дамир (он говорил по-татарски), когда Ильяс устроился на переднем сидении его машины.

– Да. А ты что думаешь?

– Я тоже. Ты спрашивал уже. Надо только дорогу узнать. Навигатор карты показывает – будешь смотреть и говорить мне, куда ехать.

– Нам нужны противогазы, ОЗК. Я так понял, что их выдают врачам, полиции, эфэсбешникам. Ты кем работаешь?

– Нет, я не мент, – ухмыльнулся Дамир. – На фирме работаю, распространение канцелярских товаров.

– Мы можем пойти в военкомат... ну, в комендатуру... и получить там всё. Запишут нас куда-то и выдадут. После этого мы по-тихому утечём.

Ильяс, говоря по-татарски, испытывал некоторые трудности: он привык разговаривать на русском, и ему сейчас было сложно подбирать подходящие выражения. Ильяс даже подумал, не предложить ли товарищу перейти на русский, но постеснялся озвучить эту мысль соплеменнику. Дамир же, судя по всему, знал родной язык лучше, но пока все слова, употреблённые им, были понятны Рахматуллину.

Выслушав Ильяса, Дамир, несколько секунд молчал, наверное, взвешивая предложение.

– А если мы не сможем оттуда уйти? Нас запишут, заберут документы и отправят в казарму. Если уйдём, нас объявят дезертирами. Лучше вообще не ходить туда.

– Без защиты как мы будем в городе? Там же радиация. А шанс терять не хочется, тут всего километров тридцать.

– Может, купить у какого-нибудь прапорщика? Или солдата? Солдат за бутылку водки свой противогаз отдаст.

– Нет, война началась, атомные бомбы взрываются. Они же не такие дураки, чтобы свой противогаз продать.

– Э!.. – Дамир сделал рукой жест. – Украдут у другого солдата. Что, ты их не знаешь? Русский солдат за бутылку водки родную мать в бродячий цирк отдаст.

– Можно попробовать. Только противогаза мало – нам же надо на двоих. Там, на посту, офицеры раздают ОЗК, противогазы, дозиметры. Я видел: журнал у них, они записывают паспорт, диплом – и выдают.

– Ну, поедem, попробуем.

– Поедем. Только ещё вариант есть: можем доехать до комендатуры, я один пойду, посмотрю, а ты подождёшь меня в машине. Хотя – это потеря времени.

– Да, лучше сразу ехать.

– Тогда поехали. Будет пост, попробуем купить снаряжение.

Уже когда машина тронулась, Дамир спросил:

– По Северному объезду?

– Зачем? Далеко получится. Проедем Коченёво, потом по полю, чтобы объехать посты, и выедем на трассу. Два-три километра петлю сделаем.

Он помолчал пару секунд и добавил по-русски:

– И дальше – по Омскому тракту.

– Хорошо, – ответил ему Дамир на татарском.

– Там даже если будут дальше посты, то сдадим назад и объедем, – снова перешёл на родной язык Рахматуллин. – Они же не успели везде всё перекрыть. И зачем они это делают?

– Я тоже так думаю.

Подъезжая к развилке, где одна дорога вела к железнодорожным путям, а вторая – к спасательному центру МЧС, Ильяс предложил:

– Дамир, давай поедem к МЧС. Вон, видишь, «Уралы» оттуда едут? Спросим у караульных про ОЗК.

Его напарник без лишних слов свернул к «центроспасу». Однако ни получить, ни купить защитные средства им не удалось. Солдаты и офицеры на пропускном пункте объяснили: они облачены в личные ОЗК, и на каждого – по одному противогазу, а запасная амуниция находится на охраняемых складах и распределяется в подразделениях командирами.

Не солоно хлебавши, повернули обратно в Коченёво. Но их ждал неприятный сюрприз: дорога, по которой они уже проезжали полчаса назад, оказалась перекрыта военными. Заметили, наверное, что люди пользуются обходными путями и стали брать их под контроль. На вопрос Дамира, зачем вообще закрывать населённый пункт, один из офицеров ответил, что теперь Коченёво является особо охраняемой территорией, так как здесь находятся жизненно важные объекты: военные части, завод, птицефабрика, элеватор, тяговая подстанция, малый железнодорожный узел и даже заразный скотомогильник. Перед тем, как развернуться и уехать, Дамир сказал:

– Раньше, когда мир был, генералов охраняли, эфэсбешников, эмведешников, которые фабрики и заводы крышевали и воровали с них, а война началась – стали охранять то, что ещё не разворовали. Россия, да... Что ещё сказать?

Офицеры молча отвели взгляды.

Из-за того, что дороги быстро перекрывались, напарники поменяли план. Объехав Коченёво с востока, они вновь оказались в посёлке в районе птицефабрики (здесь проезд ещё не был перекрыт), дальше двигались вдоль железнодорожных путей и мимо садовых участков. Было видно, что на путях стоит множество поездов, в том числе и пассажирских. За полчаса проехали около двадцати пяти вёрст и оказались в посёлке Чик.

В Чике имелось шоссе, которое, пересекая железнодорожные пути, вело к трассе, то есть к Омскому тракту, и совсем недалеко отсюда находился Новосибирский аэропорт. До города оставалось около двадцати вёрст. Облака, рождённые радиоактивным веществом объёмом с двухпудовую гирию, выглядели отсюда совершенно колоссально – километров десять-двенадцать в высоту, как минимум. Светлый «протуберанец» над взорванной гидроэлектростанцией был ближе остальных.

Каких-либо разрушений или повреждений Ильяс и Дамир не замечали, однако бросалось в глаза безлюдье посёлка. Проехав Чик по его окраине, они увидели только трёх инспекторов ДПС, которые стояли в самом конце улицы Терешковой; те были вооружены автоматами «АКС-У», и через плечо у каждого была перекинута сумка с противогазом. При этом автомобили на дороге встречались, правда, почти все ехали со стороны Новосибирска.

Остановились возле инспекторов. Дамир обратился к одному из них, стоявшему отдельно от своих товарищей прямо на проезжей части:

– Старлей, что слышно? На трассу выехать можно?

Тот приблизился.

– А вы куда направляетесь?

– Да вот тут, в Толмачёво. Родственников хотим забрать. В Казань их отвезём.

– Документы, пожалуйста, предъявите.

– Да не вопрос, – и Дамир, достав из кармана ветровки права и свидетельство о регистрации автомобиля, передал их старшему лейтенанту.

Подожли к машине и двое других инспекторов.

– А что так? – спросил старлей, посмотрев документы. – Машина у вас зарегистрирована в Новосибирске. Живёте, наверное, тоже там? А родственники в Толмачёво... Паспорт ваш покажите ещё, пожалуйста.

– Зачем?

– И вы тоже паспорт предъявите, – обратился инспектор к Ильяс, наклонившись, чтобы заглянуть в салон, и пропуская мимо ушей вопрос Дамира.

– А вы имеете право проверять документы у пассажира? Только на стационарном посту можно. Думаете, я не знаю?

– Дамир Рифатович, – произнёс полицейский, взглянув ещё раз на права, – в стране объявлено военное положение... если вы не в курсе... война идёт.

– Я в курсе, что война.

– Ну, раз в курсе, то я вам объясняю. В режиме военного положения сотрудники ГИБДД имеют право проверить документы у любого гражданина. И кстати... И кстати, в мирное время сотрудники также имеют право проверять документы пассажиров, но только в том случае, если есть подозрение, например, в наличии у пассажира незарегистрированного оружия или наркотиков, или в совершении других незаконных действий. Так что мы имеем право не только у вас лично проверить документы, но и у вашего пассажира.

– И осмотреть автомобиль имеем право, – добавил один из подошедших инспекторов.

– А я имею какое-нибудь право? – задал вопрос Дамир, крепко сжимая обеими руками руль. Ильяс в это время протягивал инспектору свой паспорт.

– У вас сохраняются все права и обязанности, которые были раньше. Просто выполняйте требования сотрудников. Мы здесь стоим не для того, чтобы нервы вам портить. И себе. Ну вот, и вы, Дамир Рифатович, и ваш пассажир... Ильяс Керимович, зарегистрированы в Новосибирске, а едете, как вы сказали, в Толмачёво за родственниками, и хотите их отвезти... Куда вы хотите их отвезти?

Ильяс почувствовал, что разговор с инспекторами принимает неприятный оборот. Ему с самого начала не понравилось, что Дамир ведёт себя с ними заносчиво, но он промолчал, теперь же решил вмешаться.

– Мужики, мужики, стойте! – Ильяс вышел из машины. – Мой друг на нервах просто. Мужики, я всё объясню.

Он подошёл к полицейским. Один из них, самый молодой, отошёл в сторону, беря автомат наизготовку.

– Мужики, вот мои права. Я отдал свою машину брату моего друга. Он повёз жену к себе в Елабугу, она беременная. А моя семья и его, – Ильяс указал рукой на Дамира, – там, в городе, в Новосибирске. Понимаете? Мы едем за ними.

– А почему ваш друг говорит, что вы едете в Толмачёво? – спросил полицейский, забравший документы.

– И почему вы здесь, – вступил в разговор его напарник, – а ваши семьи в Новосибирске?

– Я объясню, мужики. Я еду из Казани, он тоже. Родителей навещали. А семьи остались в городе, потому что дети в школу ходят, в детский сад. Теперь вот возвращаюсь, а тут ба-бах!.. Что делать? Не кинуть же семью! Вы же понимаете.

– А Толмачёво?

– Это чтобы нас не завернули. Мы же по трассе ехали, по «Р-254», а там блокпост. Дорогу перекрыли, в город гражданских не пропускают. Мы поехали в объезд – тут вы стоите. Ну, мой друг подумал, что если скажет, что мы едем в Новосибирск, то вы нас развернёте, и тогда придётся опять окольными путями ехать... А время-то идёт, сами понимаете. Мы же ни дозвониться не можем, никак по-другому узнать, что с ними. Подумали, Толмачёво ближе – вы в него пропустите.

– Вы из Казани вместе едете? – спросил второй полицейский.

– Нет. Мы возле этого... – Ильяс обратился к товарищу, – как называется?..

– Коченёво, – подсказал тот сердито.

– Да, возле Коченёво первый раз встретились, познакомились. Я отдал его брату свою машину, чтобы он с женой ехал в Елабугу, ну, через Казань, а мы поехали забирать свои семьи.

– Вы отдали машину человеку, которого впервые увидели? – инспектор с документами посмотрел на Ильяса слегка прищурившись.

– Да. А что такого? Написал доверенность и отдал.

– Ах, вы по доверенности машину передали?

– Да. А как же? Вы что думали? А если его остановят, а доверенности нет? Конечно, написал.

– Ясно. Ну, что будем с ними делать? – спросил инспектор своего напарника, постукивая документами по ладони.

– Что делать? Отпускай. Пусть едут. Не маленькие, сами пускай думают.

Инспектор взглянул на Дамира. Отделил паспорт и права Ильяса.

– Держите, – сказал он, возвращая их ему.

Потом протянул документы Дамиру. Встав чуть плечом к Ильясу и спиной к машине, сообщил:

– Значит, смотрите. Если сейчас поедете через железку, через Прокудское, то на трассу вы попадёте, но дальше вы вряд ли сможете проехать. Там вояки дорогу перекрыли. То же самое на развязке у терминала. Терминал знаете да где? Логистический парк. Там только по пропускам в направлении Новосибирска. А дальше аэропорт, он тоже оцеплен. Там уже всё перекрыто, наверное.

– А как нам проехать?

– Я вам никаких советов не даю. Я рассуждаю, что с вами может произойти, и как я поступил бы на вашем месте.

– Понял. Понял, дружище, – Ильяс слегка коснулся плеча инспектора ладонью.

– Я бы вообще на сторону железки не совался. Там основная трасса и полно важных объектов, которые вояки сейчас оцепляют, да и наша служба тоже. А вот тут, вдоль железки, можно проехать через поля до Красномайского и дальше. Хотя не везде проедешь. Так-то сухо, но от дождей остались колеи с водой. Или можно до Чистополя доехать, а оттуда по грунтовой до Новоозёрного.

– Дамир, ты слушаешь, да? – обернулся Ильяс к товарищу.

– Да, вот смотрю на карте, – ответил тот между делом вполголоса.

– Там меньше через поле ехать, и больше по нормальной дороге, если эту дорогу можно назвать нормальной, – продолжал инспектор. – От Новоозёрного уже близко до Красноглинного и Толмачёво. Это всё с этой стороны железки. А Толмачёво как раз с Ленинским районом города граничит. Но там до гидростанции недалеко. Видите, вот эта ... (штука) небо подпирает? Это как раз там – гидростанцию взорвали. Сами думайте. Радиация и прочие прелести ядерной войны. Вам в какой район надо?

– Мне в Центральный, ему вот – возле метро «Площадь Маркса».

– А, ну ему проще. Как на тот берег перебраться, я даже не знаю. На мостах кордоны.

– Ладно, дружище, спасибо тебе. Спасибо мужики. Удачи вам!

– Нам всем теперь нужна удача, – отвечал один из полицейских.

– Это точно.

Тут Ильяс вспомнил, в чём он с товарищем нуждался.

– Мужики, ещё вопрос. Может, вы подскажете? Где получить или у кого купить ОЗК и противогазы.

– ОЗК? Это вряд ли подскажем, – ответил старший (с виду) из полицейских, – а противогазы можете получить здесь, недалеко. Езжайте в ту сторону, увидите трансформаторную

станцию справа, повернёте на улицу, которая напротив и по ней с полкилометра, наверное, до дворца культуры. Там бомбоубежище, пункт сбора и все дела. Только не знаю, дадут ли вам? Вы не местные, не поселковые. Эта хрень ведь для обеспечения местного населения, строгое количество. Хотя, может, там резерв есть?

– Да вы посмотрите дальше в магазине каком-нибудь, типа «Военторга» или «Охотника». Их же продают. Сейчас, конечно, все сидят в бомбоубежищах и подвалах, но, может, кто-то торгует или раздаёт? Эти магазины теперь всё равно переходят под частичное управление военных.

– А здесь, в городе, есть такой магазин? – спросил Дамир.

– Нет... Нету же?... – обратился полицейский к своим напарникам.

– Нет, – отвечали те. – Кажется, нет. В торговом центре был отдел, вроде, но он закрыт.

– А что там с радиацией, что показывает? – Дамир указал на дозиметр, висящий на шее инспектора.

– Повышается, – ответил тот. – Вот уже стало двадцать девять микрорентгенов, а было двадцать пять, когда прибор получали. Норму повысили до пятидесяти микрорентген – по закону о военном времени, раньше была до тридцати. Но, говорят, опасный уровень только в двух-трёх километрах от взрыва и там, где облако от него над землёй стелется. Не знаю, посмотрим.

– Да успокаивают просто! И норму ещё много раз повысят, увидишь. Тысячи будут по ихней норме.

Ещё раз поблагодарив полицейских, Ильяс и Дамир отправились искать местный дворец культуры. Собственно, искать не пришлось – через несколько минут выехали на площадь перед ДК. Тут было несколько человек и среди них – глава посёлка, которого звали Виктор Фёдорович. Ильяс и Дамир подошли к людям и начали разговор. Рахматуллин объяснил, в чём он с товарищем нуждается. Их начали спрашивать, где они были и что видели в это утро. Эти люди совершенно не были в курсе того, что происходит за пределами посёлка. Кабельная связь с Коченёво у главы поселения имела, но ничего, кроме инструкций, он по ней не получал. На конкретные вопросы «Кто напал?» и «Что предпринимается?» следовали расплывчатые ответы и обещания вскоре всё прояснить. Путники рассказали об увиденном ими в Коченёво и по дороге сюда. Поделились пережитым и чиковцы.

Посёлок был поднят на ноги сиренами оповещения гражданской обороны. Оказывается, рядом с населённым пунктом находятся склады взрывчатых веществ, а ещё завод-лаборатория и полигон, где испытывают боеприпасы и проверяют на прочность всякого рода изделия, как военного, так и гражданского применения. Никто не мог серьёзно предположить, что началась атомная война. Здесь учения службы гражданской обороны – не редкость, но о них заранее предупреждают и проводят ближе к середине дня. Когда местное подразделение ГО устраивает тренировку или проверяет систему оповещения, то запускается лишь звуковой сигнал, то есть сирена. В этот раз после её полуминутного звучания, через репродукторы пошла трансляция голосового объявления о воздушной тревоге и опасности радиационного поражения – и так много раз. Но это вызвало непонимание у людей. И только когда они начали получать сообщения на телефоны и включать радиоприёмники, стало приходить осознание того факта, что обычная тут шуточная фраза при звуках сирен – «Война началась!» – в этот раз шуткой не была.

Выслушав Ильюса и Дамира, чиковцы выделили им по респиратору, с запасными фильтрами, медицинский набор, включающий и антирадиационные препараты, а также карманный дозиметр советского производства «ДКП 50А» – наподобие авторучки. ОЗК тут не было. Общезащитные комплекты имелись на складах и на заводе, но с момента объявления атомной тревоги допуск на эти объекты был ограничен.

Поблагодарив людей и тепло попрощавшись с ними, Ильяс и Дамир выехали из Чика в сторону посёлка Чистополье. Вокруг расстилались поля, перечёркнутые полосками грунтовых дорог, с редкими деревьями вдоль них, и открывался вид на десятки вёрст. Новосибирск был слева по ходу движения. Соотнося очевидность с картой, Ильяс и Дамир выяснили, что правый атомный гриб вырос на месте гидроэлектростанции – тот, что имел белёсый цвет, видимо, из-за большого количества водяного пара. Левее и примерно на том же отдалении поднялось облако взрыва над тепловой электростанцией. Там над общей массой дымных испарений всё заметнее поднимался совершенно чёрный столб копоти. Ильяс предположил, что это горит хранилище мазута. Далёкое скопление облаков на северо-востоке просматривалось слабо сквозь сизый воздух.

Трасса проходила по окраине Чистополя. Немного не доезжая до конца посёлка, Дамир свернул на улицу Садовую, вскоре перешедшую в Набережную улицу, затем повернул направо. Машина оказалась за пределами посёлка. Дорога, как и предполагал инспектор, оказалась вполне даже нормальной.

Уже через пять минут мужчины были на окраине посёлка Новоозёрный. Тут проходила асфальтированная дорога огибающая посёлок и ведущая в село Красноглинное, которое граничит с Толмачёво. В Красноглинном мужчины были минут через семь, проехав путь между двумя населёнными пунктами на высокой скорости. Здесь их остановили военные.

Два бэтэра стояли на перекрёстке. На один броневик была водружена доска, к которой прозрачным скотчем были приклеены знаки из красной бумаги, составлявшие надпись. Она гласила: «Радиационный фон 0,33 мкЗв/час. Предел нормы 0,50 мкЗв/ч (50 мР/ч)». Ильяс отметил про себя, что это очень хорошее решение – на постах выставлять данные о радиационной обстановке. Сам он в вопросах радиационной безопасности немного разбирался, но большинство людей имеют очень мало знаний в этой области, а потому можно было предположить возникновение панических настроений, в том числе и распространяемых намеренно.

Старший сержант, очевидно, контрактник, если учесть что возрастом он был лет под тридцать, потребовал документы и у водителя, и у пассажира.

– Куда направляетесь? – спросил он.

– В Новосибирск, – в этот раз Дамир не стал обманывать, а решил напрямую высказать свои намерения. – Там у нас семьи остались. Хотим их вывезти.

– В Новосибирск? Вы в курсе, что город подвергся ядерной бомбардировке?

– В курсе, конечно. Поэтому мы туда торопимся.

– Город оцеплен. Въезд в него строго по пропускам. Там находится очаг радиоактивного заражения. Даже здесь радиационный фон повышен.

– И что нам делать?

– Вы военнообязанные? Где состоите на воинском учёте?

– Нет, я освобождён от строевой, – Дамир до белизны пальцев сжал руль. – А зачем спрашиваешь? У меня там семья, понимаешь? За ней еду.

Солдат наклонился, чтобы в окно увидеть лицо Ильяса.

– А вы? Вы военнообязанный?

– Да, – ответил Рахматуллин с некоторой задержкой. Он боролся с сомнением, стоит ли говорить старшему сержанту правду? Вдруг, тут же высадят из машины и отправят на сборный военный пункт?

– Состоите на воинском учёте в Новосибирске?

– Да.

– Тогда вам надо немедленно явиться в ближайший к вашему дому доступный военкомат. Только что объявлена всеобщая мобилизация. Все мужчины от восемнадцати до сорока лет подлежат призыву.

– Сержант, – Дамир старался высунуть голову в окно как можно дальше, – мы семьи вывезем и тогда сможем в военкомат пойти. Ты сам не женат, что ли? У тебя семьи нет? Понимать же надо!

– Водитель, выйдите из машины, откройте багажник.

Дамир хмыкнул, опустил голову, покачал ею. Потом он заглушил двигатель, вынул ключ из замка зажигания и открыл дверь.

– Давай, пользуйся властью. Конечно, ты же с автоматом, тебе можно останавливать людей, – опять полез в бутылку Дамир.

– Уважаемый, я просто выполняю свои обязанности. И оружие тут ни при чём, – говорил военный, глядя как Дамир поднимает багажную дверь.

Ильяс тоже вышел из автомобиля. Он снова испытывал чувство неловкости оттого, что его напарник, общаясь с представителями власти, так и лезет на рожон. Возможно, Дамир чувствовал себя униженным, когда кто-то имел больше прав, чем он, пусть даже эти дополнительные права были даны людям для лучшего выполнения их служебных обязанностей. Но скорее всего, в его поведении имелась националистическая подоплёка, нежелание подчиняться представителю иной народности, хотя тот и был наделён властью вовсе не по национальному признаку.

Старший сержант заглянул в багажник, попросил Дамира открыть дверь заднего пассажирского сидения. Подошёл ещё один солдат. И снова сержант ограничился коротким беглым взглядом. После этого он отдал документы Дамиру и сказал: «Вы свободны».

– Мы можем проехать в Обь²⁷ или в Толмачёво? – поспешил спросить у него Ильяс.

– Можете, – отвечал тот, – но до железнодорожных путей. Дальше только по пропускам или автомобилям со спецсигналом. Для вас переезд закрыт.

– Это в Оби?

– Да.

– А если в Толмачёво, в сторону Новосибирска?

– За пути – везде по пропускам. Никто вас дальше не пропустит. Там выставлено оцепление – зона бедствия и радиационного заражения.

Мужчины сели в автомобиль. До железнодорожных путей примерно три версты, а за ними начинались кварталы Новосибирска. Дамир жил на улице Титова, в её начале, и добираться до дома ему было недалеко. Ильяс же надо было перебраться на другой берег Оби, поэтому ему предстояло поломать голову над тем, как переплыть реку – проехать по одному из мостов он не надеялся, ведь военные уже везде выставили пикеты.

Тронулись. Навстречу двигалось довольно много машин. Поехали по улице Мира, затем по Кирзаводской, и, наконец, свернули на Вокзальную улицу – это был уже город Обь. Ещё на Кирзаводской Ильяс заметил на левой стороне дороги во дворе частного дома мужчину и рядом с ним подростка – те меняли стекло в окне своего жилища. Метров через сто, опять слева по ходу движения, он вновь заметил хозяев, меняющих стекло на мансарде.

– Дамир, – Ильяс показал рукой, – наверное, здесь прошла ударная волна. Смотри – стёкла выбиты в окнах.

Они стали приглядываться, и действительно заметили, что во многих домах старой постройки – с деревянными рамами – разбиты большие стёкла. Теперь на улице можно было

²⁷ Обь – населённый пункт западнее Новосибирска, на северо-западе граничит с территорией аэропорта «Толмачёво», на юге – с селом Красноглинное.

видеть людей, стоящих кое-где по несколько человек перед калитками и воротами – видимо, соседи вышли обсудить между собой последние мрачные события.

На пересечении Вокзальной улицы с Толмачёвским шоссе (возле остановки, что напротив магазина стройматериалов) стояла машина с надписью «ГИБДД», а рядом – двое инспекторов, вооружённых автоматами с укороченными прикладами. Они лишь проводили взглядом автомобиль наших путешественников, когда те свернули направо и поехали на юг – туда, где находился автомобильный проезд в город, проходящий под железнодорожной эстакадой. Переезжая по мостку через речку Власиху, Ильяс и Дамир увидели мелькнувший на секунду за зарослями и постройками Новосибирский «Экспоцентр»: отсюда до него было чуть более версты. Ещё несколько минут – и вот они в Новосибирске. Но эта часть города находится западнее железной дороги и лишь формально относится к нему, а потому не оцеплена военными.

У остановки под названием «Машкомплект» нагнали колонну военных автомобилей, как предположил Ильяс, батальона химзащиты. Замедлили ход и до самого конца Толмачёвского шоссе двигались за колонной, так как обогнуть её не представлялось возможным.

Теперь Ильяс и Дамир были так близко к эпицентру взрыва на гидроэлектростанции, что их начало одолевать сильное беспокойство. Тут радиация уже не представлялась далёкой и эфемерной. Ильяс взял с заднего сидения дозиметр. Их в Чике предупредили, что прибор надо периодически подзаряжать – это можно сделать на любом стационарном, или даже передвижном пункте ГО буквально в течение минуты. Сейчас прибор был заряжен. Ильяс поднёс его к лицу и стал смотреть одним глазом в окуляр на торце. Нить указателя дозы оставалась в самом начале шкалы – на нулевом делении.

– Сколько показывает? – спросил Дамир.

– Ноль, – ответил Ильяс.

– Не работает?

– Нет, слишком мало. Он больше показывает, когда уже излучение опасное. Сейчас нормальное.

– То есть, не опасно да?

– Нет. Мы же здесь не постоянно будем находиться.

– Ты разбираешься вообще в этом, в приборах таких, в радиации?

– Немного. Нас в армии другим учили пользоваться. Этот совсем старый.

А через несколько секунд мужчин от дозиметра отвлекли детали пейзажа. «Смотри!» – воскликнул Дамир. Он указывал на домик охраны при въезде на территорию какого-то предприятия с вывеской «Терминал-27». В домике были выбиты все стёкла и два человека убирали осколки. То же они увидели, проезжая мимо территории следующего на их пути предприятия. Придорожные ларьки, домики охраны, административные корпуса – всякое строение имело повреждение. А впереди, прямо по курсу, над горизонтом нависло громадное облако, закрыв чуть ли не четверть небосклона. Отсюда оно не казалось таким однородно сизым, как из окрестностей Коченёва. Теперь оно виделось серым, с грязно-коричневыми, бежевыми и почти чёрными завихрениями.

Вид облака и повреждений на фасадах зданий вызывал не только беспокойство, но отчётливый страх, сильное волнение. Здесь – где до эпицентров ближайших ядерных взрывов было примерно пятнадцать вёрст – всё воспринималось весьма драматично.

То и дело возле дороги можно было видеть остановившиеся машины с распахнутыми дверями, а рядом с ними людей с пузырьками в руках или со шприцами, оказывающих помощь кому-то из пассажиров. Дважды видели людей, которых рвало. Не было ни одной улыбки, ни одного громкого крика; лица у всех были озабоченными, тревожными, иногда испуганными.

Проезжая мимо АЗС №5 «Сибнефти» товарищи увидели, что в строении не осталось целых больших стёкол – они были раздроблены ударными воздушными волнами, потерявшими на этой дальности от эпицентров сметающую мощь, но сохранившие высокую звуковую ампли-

туду. Два человека в полиэтиленовых дождевиках с накинутыми на головы капюшонами, сейчас занимались уборкой в помещении бензоколонки. В это же время мимо проехал автомобиль без лобового стекла, с включёнными аварийными сигналами.

Наконец Ильяс и Дамир доехали до того места, где заканчивается Толмачёвское шоссе, дорога делает крутой поворот и проходит под железнодорожной эстакадой. Тут стояла большая военная палатка, два бэтэра, броневик «Тигр», грузовик «Урал» с тентовым кузовом, ближе к проезжей части – тёмно-зелёный «уазик» с красной полосой по борту и надписью «Военная комендатура», а также машина скорой помощи. На мачте электропередачи висело табло с показаниями фоновой радиоактивности: «0,34 мкЗв/ч». Технику и палатку военные расположили на полосе торможения перед бензоколонкой «Новосибирскнефтьтрейда» и на газоне перед ней. Из громкоговорителей, установленных на машине военной комендатуры, транслировалось сообщение о том, что страна подверглась нападению, о введении военного положения, режиме ограничения передвижения гражданского транспорта, потом инструкции по защите от радиоактивного заражения и прочее. Особо подчёркивалось, что в целом радиационный фон не вышел за пределы обычной, то бишь, мирной, нормы, а действительно высокий уровень радиации наблюдается непосредственно вблизи эпицентров ядерных взрывов – в радиусе одного-двух километров и по сравнительно узкому следу радиоактивных облаков.

Военные автомобили и машины со спецсигналами проезжали мимо пикета беспрепятственно, а остальной транспорт солдаты останавливали. Солдаты были в полной защитной экипировке: прорезиненные плащи с капюшоном, бахилы, на лицах марлевые фильтрующие маски или балаклавы. Они проверяли документы водителей и пассажиров, задавали вопросы. Дамира, ехавшего в хвосте военной колонны тоже остановили. Были затребованы документы водителя и пассажира, последовали вопросы «Куда?», «Откуда?», «Где стоите на учёте?» В этот раз Дамир не лез на рожон, отвечал на вопросы постового хотя и без энтузиазма, но конкретно. Затем солдат попросил обоих выйти их машины, открыть багажник и задние двери, показать вещи.

Когда попутчиками были выполнены все требования, солдат возвратил им документы и повторил то, что уже говорили другие постовые: о мобилизации, явке в военкомат, закрытии проезда в город. Потом он сообщил, что там, откуда они ехали, на территориях промзон и площадях около торговых точек, организованы специально для наступившего экстренного случая стоянки – они охраняются воинскими подразделениями, никакой платы не взимается, дорогу к ним указывают регулировщики. Когда Дамир стал объяснять, с какой целью он стремится попасть в город, и что ему осталось совсем немного, каких-то пятнадцать минут пути до дома, солдат повернулся в сторону и позвал:

– Товарищ старший лейтенант!

Офицер в это время разговаривал с пассажирами другой машины, тоже о чём-то его упрасивавших... да, наверное, о том же: разрешить въехать в город, где остались близкие, с которыми пропала связь. Офицер поднял указательный палец в знак внимания и откликнулся:

– Одну минуту.

– Подождите старшего лейтенанта, он вам всё объяснит, – сказал солдат и пошёл останавливать следующую машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.